ПИОНЕР

П 29
34

16

изд-во ЦК ВКП(б) „Правда" 1935 г.

К борьбе за рабочее дело будь готов!

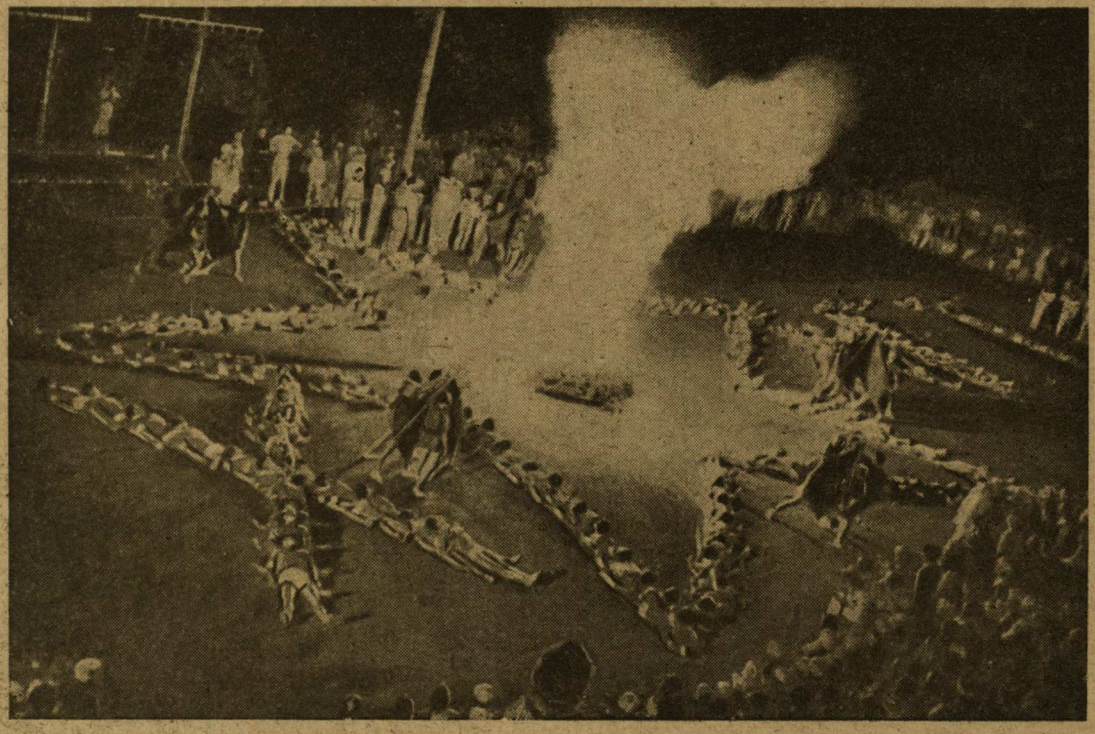
ПИОНЕР

№ 16

Август 1935

Орган Центрального комитета ВЛКСМ.
Адрес ред.: ул. Горького, 8, тел. 5-60-76.

Юбилейный костер



Месяц тому назад в № 14 нашего журнала мы обещали рассказать об «Артеке». Выполняем свое обещание.

Вот юбилейный костер на берегу моря, на костровой площадке, в «Артеке». Римская цифра X, если вглядитесь, составлена из ребят, пятиконечная звезда—тоже. На юбилейном костре присутствовало около двух тысяч человек взрослых и ребят, и все, что тут происходило, передавалось по радио во все концы Советского союза. Говорят, что по радио было слышно даже, как трещал хворост на костре и как шумело море рядом с площадкой.

На костре артековцы показывали много интересного: танцы, физкультурные упражнения, игры, индейскую пляску. Герой Советского союза тов. Слепнев рассказывал ребятам о своих полетах.

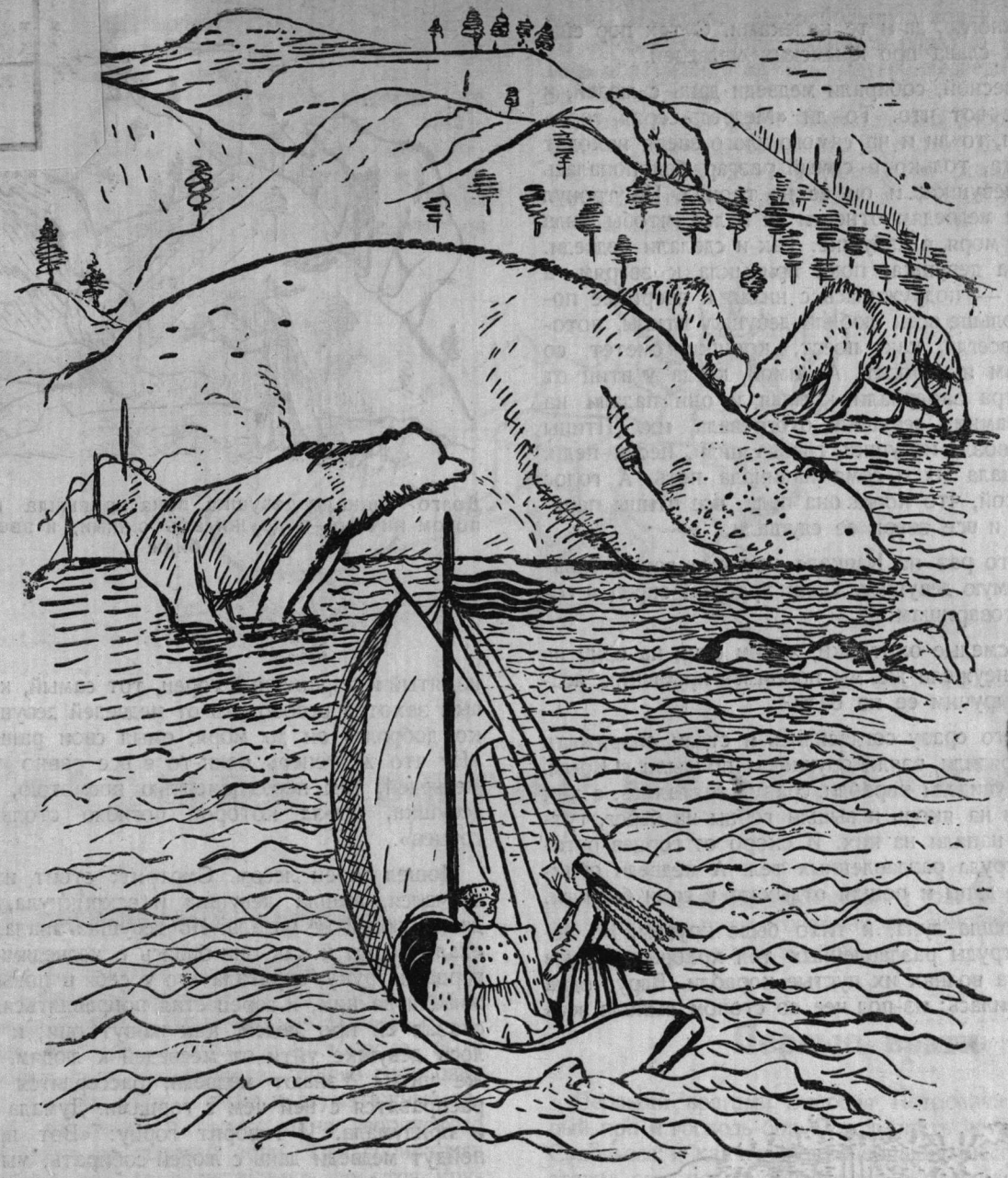
Редакция «Пионера» тоже была на празднике в «Артеке». Оттуда мы привезли легенду о «Медведе-серой горе» — Аю-даге, которую часто рассказывает ребятам-артековцам заведующая музеем Александра Васильевна Стати. Ребята зовут ее тетей Шурой. Вечерами она усаживает ребят на веранде музея и рассказывает, а ребята слушают и посматривают на Аю-даг, нависший над самым домиком, в котором музей.

О путешествиях растений тоже написала тетя Шура. Эту интересную историю она обычно рассказывает пионерам, когда они делают первую экскурсию по артековским паркам.

Очерк об основателе «Артека», старшем докторе республики, покойном тов. Соловьеве, написан по рассказам его жены Маргариты Ивановны, которая приезжала в «Артек» на юбилей.

Письма написали ребята, отдыхавшие в «Артеке», Вот что мы привезли из «Артека».

П 29
34



Гос. Публичная Б-ка Ленинград

„Медведь-серая гора“

Крымская легенда

Рис. М. Аксельрода

Давно это было. Весь Крым тогда был покрыт густым лесом. Кругом лес. И в этом лесу жили серые медведи — большие, страшные. Глаза у них были как башни, зубы—как стволы высокой сосны, когти—как сталь, а шкура — ничем не пробьешь. Теперь таких нет, и больше всех был старый вожак, которого звали «Медведь-серая гора». Вот какие медведи жили в Крыму!

А люди не жили: медведей боялись—и в степь ушли жить. Но и там медведи им не давали покоя. Медведи каждую весну брали дань с людей хлебом и медом. А люди-то плохо жили. Они тогда еще не умели как следует обрабатывать землю, и хлеба самим не хватало. А медведи этого и знать не хотели: им вынь да положь. Придет весна, не несут люди хлеба и меду — медведи сами идут за данью. Очень боялись люди серых медведей. Как услышат, что медведи идут, так со страха и бегут сломя голову куда глаза глядят. Да разве от медведей скроешься? Сядут в лодку, поплывут по реке, а медведи выпьют всю воду из реки, лодка-то и сядет на мель, или ударит медведь лапой по воде—пойдет волна по реке, и лодка-то о берег в щепки. Тут и людям конец. А как бились люди с медведями, так земля делалась красной от крови людей.

Далеко прошел слух про крымских серых медведей. Услыхали про них и наши северные бурые медведи. Думают: «Враки это все, зря только хвастаются своей силой эти крымские медведи; надо проучить их, чтобы не хвастались». И пошли бурые медведи в Крым померяться силой с крымскими медведями, а назад-то

вернулись немногие, да и те калеками. С тех пор еще больше пошла слава про крымских медведей.

Один раз, весной, собирали медведи дань с людей, и случилось тут вот что. То ли «Медведь-серая гора» очень сыт был, то ли и на самого злого зверя находит иногда доброта, только в самый разгар боя попалась ему в лапы девушка, и он ее не тронул. Не тронул и велел своим медведям отнести ее в лес, чтобы жила она там возле моря, в избушке. Так и сделали медведи. Долго плакала девушка, пока привыкла к зверям, а потом ничего — подружилась с ними, и звери ее полюбили. Но больше всех любили девушку птицы, потому что она всегда, как поест, крошки сметет со стола и птицам их бросит. А зимой, когда у птиц от студеного ветра замерзали крылья и они падали на землю как камни, девушка отогревала их. Птицы стаями жили возле избушки, гнезда вили, песни пели. Девушка слушала их и сама начинала петь. А голос у нее был такой, что когда она пела, все птицы переставали петь, и все звери ее слушали.

И вот как-то раз на Кавказе храбрые горцы узнали про эту самую девушку. Один храбрый горец и говорит своим товарищам:

— Все мы смелые охотники, ходим один на один на медведя, так неужели же мы побоимся крымских медведей и не выручим ее из беды?

Товарищи его сразу согласились и стали снаряжать корабли. Снарядили, взяли оружие и поплыли в Крым. Медведи, как увидели корабли, сразу спрятались, а как стали корабли на якорь и вышли горцы на берег, тут-то медведи и напали на них. И скоро от горцев осталась только груда раздавленных тел. А медведи облизали кровавые лапы и пошли отдыхать в свои берлоги.

Вечером взошла луна, и тихо было кругом. На берегу лежали груды раздавленных тел храбрых горцев да качались на волнах их пустые корабли. Вдруг одна груда зашевелилась: из-под нее со стоном выполз весь

Вот какие медведи жили в Крыму.

Долго плакала девушка, пока привыкла к зверям, а потом ничего—подружилась с ними, и звери ее полюбили.

измятый и израненный горец, тот самый, который первым захотел освободить от медведей девушку. Тихонько добрался он до моря, омыл свои раны и думает: «Ну что ж, теперь один-то я все равно не уйду от медведей, так перед смертью посмотрю, что это за девушка, из-за которой погибло столько храбрых горцев».

Пошел горец лесом. Смотрит: стоит избушка. Постучался, вышла девушка и вскрикнула, испугалась: давно людей не видала. Но девушка знала, зачем приехали горцы и как они бились с медведями. Взяла она горца за руку, спрятала его у себя в подземелье, ухаживала за ним, и горец стал поправляться. Горец рассказал ей про людей, как живут они; и вот захотелось девушке уйти от медведей к людям. Только как же уйти? Узнают медведи, рассердятся и еще злее расправятся с ней чем с горцами. Думала она, думала и придумала. И говорит горцу: «Вот придет весна, пойдут медведи дань с людей собирать, мы и убежим».

Пришла весна. Ушли медведи дань собирать. Девушка вышла за порог, захлопала в ладоши, и сразу же из лесу прибежали олени. Запрягла она их в повозку и поехала с горцем к морю. У моря опять хлопнула в ладоши и пришли лисицы-строители, волки-дровосеки, крысы-плотники. Закипела работа. Вот и корабль готов, только оснастку осталось поставить. Вдруг слышит девушка — по лесу рык раздается. Это медведи из похода домой идут раньше срока.

Испугалась девушка, торопит лис, волков да крыс: «Скорее, скорее, не то всем нам лютая смерть!» А те и сами торопятся. Вот оснастка готова, и корабль уже на волнах. И девушка с горцем уже на корабле, и попутный ветер гонит их к Кавказу, а медведи тоже не мешкают, подбежали они к берегу, уткнулись мордами в море и тянут огромными пастями воду волну за волной. Море отходит от берега, сохнет. Вот-вот медведи выпьют все море, и корабль сядет на мель. Что делать? Смотрит девушка — а над морем летит чародей. Бородой длинной ветер играет, на голове шапочка, глазом хитрым на девушку смотрит. Увидала его девушка и стала просить:

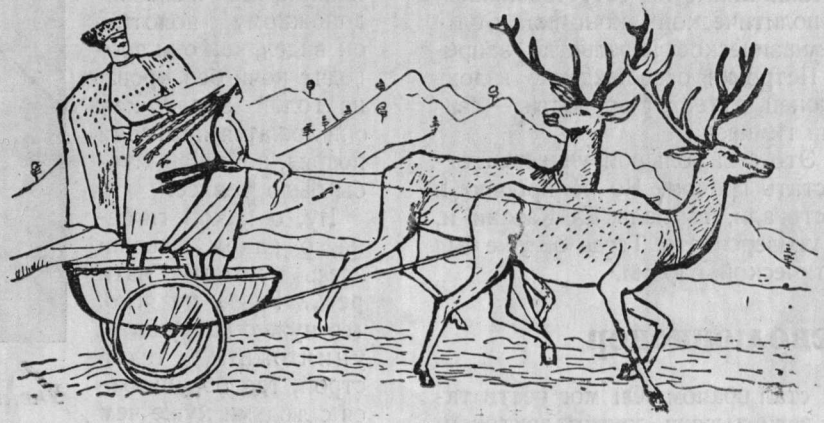
— Помоги, чародей! Чем хочешь тебе отслужу, всю жизнь служить тебе буду...

Усмехнулся чародей, говорит:

— Спой мне песню, только так, как никому никогда еще не пела, тогда помогу.

Запела девушка, да так, как потом никогда уже больше не пела. Поет она, а чародей колдует. «Медведь-серая гора», который глотал своей огромной пастью самые большие волны, вдруг почувствовал, что задние лапы стали у него тяжелые, тяжелые. Хотел выгнуть хребет, а он не гнется. С трудом открывает он пасть, втягивает самую большую волну, а проглотить-то не может. Волна вылилась обратно в море, а медведь обратился в камень. Другие медведи мертвые пали на берегу моря.

Девушка с горцем благополучно добрались до Кавказа и там они счастливо прожили до глубокой старости. С той поры в Крыму не осталось медведей. Остался только один медведь — гора Аю-даг — да и тот каменный.



Старший доктор республики

В симбирской глуши

Город стоял на правом, на высоком берегу Волги. Из волжских губернских городов это был, пожалуй, самый глухой и спокойный. Шумными городами были Нижний, Самара, Саратов, а здесь, в Симбирске, было мертвое царство: пустынные улицы, сонные городовые на углах. По вечерам одноэтажные и двухэтажные домишки быстро засыпали, и только окна дворянского собрания светились до поздней ночи. Там собирались симбирские помещики, гремела музыка, до утра кружились пары и шла картежная игра. Город был дворянский, помещичий, рабочих в городе почти не было, да и интеллигенции — врачей, учителей — тоже было мало: жили чиновники, лавочники.

Живому человеку было невмоготу в этом городе, где, казалось, на вечные времена застыли несправедливость и гнет, где, казалось, всегда будут сытые помещики и нищие крестьяне, лихие полицейские исправники с тяжелыми кулаками и полуголодные учителя. Казалось, что над всем городом висит тяжелое серое одеяло, которое накроет и задушит всякого, кто посмеет поднять голос в этом царстве несправедливости.

В этом городе были и школы: была начальная школа, была гимназия. Но всюду, и в начальной школе и в гимназии, была мертвящая казенная муштра. По коридорам ходили смахивавшие на полицейских надзиратели, и в своем кабинете сидел совсем похожий на полицмейстера инспектор.

И так вот случилось, что из этой симбирской гимназии с золотой медалью вышел Александр Ильич Ульянов, повешенный царем Александром III, в этой гимназии на одних пятерках учился Владимир Ильич Ленин, и эту же гимназию несколькими годами позже окончил один из верных его соратников—Зиновий Петрович Соловьев. О нем и пойдет речь.

Первые враги

Первыми врагами Зиновия Петровича были школьный поп и господь-бог. Поп терпеть не мог маленького Соловьева и как-то раз совершенно несправедливо поставил ему по закону божию в бальнике единицу.

Мальчик долго кружил по улицам, не решаясь пойти домой. Отец его был мрачный, тяжелый человек. Он, может быть, по-своему и любил сына, но тот этого не знал и не чувствовал. У мальчика сердце сжималось при мысли о том, что будет, когда отец увидит этот кол. Он ходил по улицам, подходил к дому, опять уходил, опять приближался медленными шагами, чтобы оттянуть страшную встречу. Потом решился и вошел.

Отца не было дома. Во всяком случае, вечером, когда мальчик лег спать, отец еще ничего не знал. Соловьеву было лет девять—десять, тогда еще он верил в бога и начал молиться:

— Господи, ну, пожалуйста, пусть утром в бальнике будет не кол, а хотя бы тройка. Ты ведь все можешь, ну зачем тебе, чтобы папа об этом узнал!

Он очень горячо молился и был уверен, что всемогущий бог не откажет ему. Для бога ведь это пустяки. Он может все небо вверх ногами перевернуть. Маленький Соловьев уснул почти успокоенный.

Но утром он увидел, что кол стоит. И вера в бога была сразу потеряна. Он понял, что ему остается надеяться только на свои силы.

Встречу с отцом он перенес мужественно, сжав зубы. И с этих пор у мягкого по натуре мальчика

стал формироваться суровый и непреклонный характер будущего революционера-большевика.

Зиновий Петрович не любил гимназической науки, к гимназической учебе он относился так же, как к обязательному хождению в церковь. У него были большие способности. Уроки, которые задавали в гимназии, он учил на переменах. Все остальное время он со своим близким другом Брюхановым, тоже будущим большевиком, отдавал другой учебе.

Мальчики жадно глотали книги по естествознанию, философии, истории, политической экономии. Большинство этих книг гимназическое начальство запрещало читать. Зиновий Петрович освобожденно вздохнул, когда получил, наконец, аттестат зрелости — свидетельство об окончании гимназии.

Он поехал в Казань. Это был большой университетский город. Он хотел стать врачом. Но не прошло и двух лет, как его арестовали, выслали из Казани и, конечно, исключили из университета. Тогда он уже был членом социал-демократической партии.

Доктор-революционер

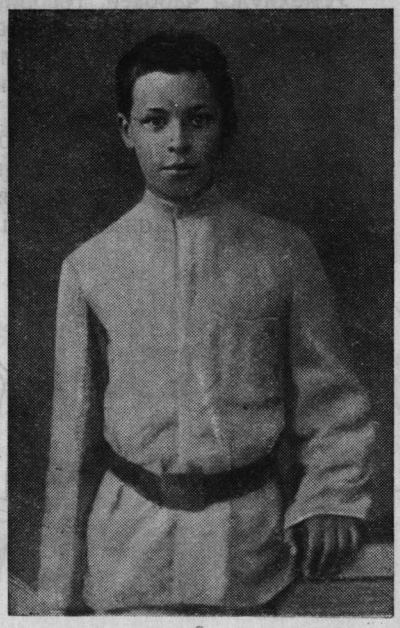
Так или иначе, но он стал врачом. Он мог вести такую же жизнь, какую вели тысячи других докторов. Что должен делать доктор? Людей лечить. Зиновий Петрович любил медицину, он понимал всю ее важность и всю ее силу.

Врачи научились проникать глубоко в человеческий организм, в легкие, в желудок, в почки, они научились побеждать вредных микробов, туберкулезные палочки Коха, раз'едающий человеческое тело спирохет. Но иногда они были бессильны в самых простых случаях. Бывали сотни тысяч таких случаев, когда врач прекрасно знал, что нужно сделать, чтобы вылечить человека, и все-таки человек погибал на его глазах. Человек погибал потому, что ему не только лекарства, но даже хлеба было не на что купить, и здесь лучший врач был бессилен.

Зиновий Петрович пошел в санитарные врачи. Санитарный врач должен следить, чтобы в общественных местах было чисто, чтобы не разводились микробы, чтобы люди жили по правилам гигиены.

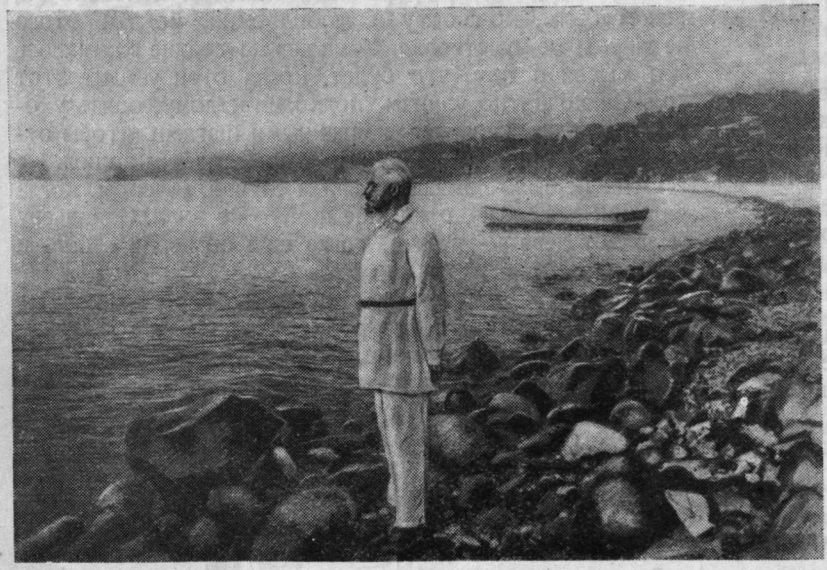
И вот какую «гигиену» он увидел, работая в Борковском лечебно-продовольственном пункте.

Он увидел, как обманывают и спаивают пришлого рабочего-бурлака наниматели, он видел, как бурлаки приходят наниматься издалека, за сотни верст, «в первом классе по шпалам с деревянным кондуктором», проще говоря, пешком, с палкой, по железнодорожному полотну, он видел, как они проводят ночи без крова, на голой земле, как они ложатся партиями подряд, потесней, чтобы было теплее.



Ученик симбирской гимназии З. П. Соловьев.

Ну, о какой гигиене, о каком лечении здесь может идти речь? Разве не ясно, что нужно разрушить, уничтожить такой строй, где обращаются с людьми хуже чем с животными! Его горячее сердце кипело, но голова оставалась ясной. Только глаза становились суровей и строже. Он твердо знал, что нужно делать, чтобы изменить все эти ужасные условия человеческой жизни. В это время он уже был членом той железной партии, которую организовывал Владимир Ильич Ленин.



З. П. Соловьев на отдыхе в „Артеке" (1927 г.).

Не слушайте доктора Соловьева

И как только вспыхнула революция 1905 г., он, доктор Соловьев, стал заниматься другими, совсем не докторскими делами. В это время он жил опять в Симбирске. Но это уже был другой Симбирск, разбуженный, встряхнутый революцией. В маленьком домике у ската к Волге собирался симбирский комитет партии. Рабочих в городе было мало, только железнодорожники. Зиновий Петрович работал там: он писал все прокламации и листовки партийного комитета, устраивал митинги, он был пугалом симбирских властей. Они были бы рады любой ценой убрать его с дороги, но революция поднималась, и они боялись трогать его. Доктора Соловьева знала вся симбирская молодежь. Почтенные папаши волновались и кричали, что этот страшный доктор развращает молодежь.

Как-то гимназисты, стоя у окна гимназии, увидели казаков. Это было осенью. Разбрызгивая грязь, скакали они по Симбирской улице мимо Карамзинского сада. Один из мальчишек, не выдержав, крикнул в окошко. «Сволочь!» Остальные подхватили как галчата.

Казаки проскакали, но кто-то из надзирателей, должно быть, сказал об этом директору, и директор пришел в класс.

— Какое слово было сказано? — спросил директор. Все опешили и молчали, но один мальчик сказал:

— Борис Николаевич, мы сказали слово «сволочь».

Доктор Соловьев с первыми артековцами (1925 г.).

Директор ахнул: в гимназии — и такое слово! Он схватился за голову и в полном ужасе вышел из класса. Никто не знал, что будет дальше.

Дальше вышло странное дело: в гимназию в своей блестящей коляске с парой лошадей и важным кучером приехал сам губернатор Яшвиль.

В актовый зал были собраны все ученики. Они ждали страшного разноса. Но неожиданно губернатор заплакал. Он плакал не настоящими слезами, он только прикладывал к глазам раздушенный платок.

— Молодежь идет по гибельному пути. Дети и юноши должны помнить свой долг по отношению к церкви, родителям и учителям. И ради всего, что вам дорого, я умоляю вас—не слушайте доктора Соловьева.

Так этот доктор, не по-докторски одетый в простую черную рубашку с черным галстуком, приводил в смятение симбирское начальство. Этого доктора симбирские помещики опасались больше чем разбойника Чуркина. Они знали о его речах на железнодорожной станции перед рабочими, и стороной доктор Соловьев получил предупреждение быть осторожнее, потому что полиция ждет первого случая, чтобы его арестовать.

Этот случай, конечно, наступил, но не в Симбирске, а позже, в Саратове, после того как революция 1905 г. была побеждена.

В саратовской тюрьме

Было самое глухое и тяжелое время — 1909 год. Речистые меньшевики и эсеры давно уже примирились с тем, что революция разбита. Некоторые давно уже забыли и думать о революции и требовали, чтобы подпольная партия была распущена.

Крепко держались только большевики. Партия работала тайно от полиции. Зиновий Петрович жил тогда в Саратове. Там была небольшая кучка большевиков, человек 15—20. Полиция напала на ее след. Перед самым днем 1 Мая она арестовала почти всю партийную организацию и Зиновия Петровича тоже.

Зиновий Петрович был очень сдержан, никогда не терял головы и никогда ни перед кем ее не гнул.

А попал он в такую тюрьму, где самый сдержанный человек мог потерять голову и где нужны были большая сила и смелость, чтобы не опустить голову.

По ночам заключенных будили крики товарищей: «Прощайте, товарищи, прощайте, братья, нас ведут на казнь!» По этому крику поднималась вся тюрьма; бессильные помочь своим товарищам, заключенные хоть чем-нибудь старались выразить свой протест против такого насилия. Они колотили в двери табуретками и скамейками, били стекла в камерах, грохотали столами, и под этот грохот, под пенье «Варшавянки» тюремщики тащили к виселице революционеров.

Пьяные тюремщики издевались над всеми арестованными, но особенно много издевательств доставалось на долю Зиновия Петровича. Они не прощали ему поднятой головы. Они вдруг устраивали беспричинный обыск, заставляли его раздеваться донага и стоять так на холоду, они нарочно будили его ночью и пытались заставить его стоять по-военному перед пьяной рожей какого-нибудь надзирателя.

Зиновий Петрович не хотел вставать перед тюремщиками. Он первый выступал на защиту товарищей и чаще других попадал в тюремный карцер.

Карцер—это тюрьма в тюрьме. Тюремщики отправляли туда провинившихся в одном белье. Зиновий Петрович говорил, что там нельзя было ни встать, ни сесть — приходилось сидеть на корточках, а пол в карцере был посыпан солью. Зиновий Петрович не выносил тюремных несправедливостей, но умел держать себя в руках, если это было необходимо.

К большевику Денисову, сидевшему вместе с Зиновием Петровичем в тюрьме, пришел на свидание товарищ. Посетителей принимали в комнате свиданий, и придти туда нужно было точно минута в минуту. Товарищ, пришедший к Денисову, опоздал на одну минуту, но все-таки вошел.

Тогда старший надзиратель схватил его за шиворот и так ударил, что тот вылетел из комнаты. А товарищи

его—Денисов, Зиновий Петрович и другие — стояли здесь же. Это возмутило их, еще секунда, и они кинулись бы на полицейского. Стоило только одному начать. И можно сказать с уверенностью, что участники самосуда пошли бы за это на виселицу.

Денисов уже схватился за решотку, чтобы сломать ее. Тогда Зиновий Петрович схватил его за руку, оттянул от решотки и тихо сказал:

— Этой сволочи скоро будет конец. Мы победим!

И так убедительно он это сказал, что Денисов тотчас же пришел в себя и понял, что нападение на надзирателя пользы революции не принесет, но даст возможность царю избавиться от нескольких революционеров.

Ни издевательства надзирателей, ни карцер не сломили Соловьева. Были там у него минуты еще тяжелей чем сиденье в карцере. Это было тогда, когда на свиданье к нему приходила жена с ребенком.

В эту комнату, полную человеческого горя, она приходила с красными, опухшими от слез глазами. Не замечая полицейского надзирателя, она начинала умолять мужа бросить партию, бросить подпольную работу. Ведь одумались же другие. Поняли, что плетью обуха не перешибешь. Зачем же он-то губит сразу три жизни: свою, ее и этого ребенка, который не виноват, что отец его задумал совершить невозможное. Зиновий Петрович убеждал ее, что она недооценивает сил революции, что сдаваться нельзя. Она снова просила, он молчал, и товарищам его, которые видели эту тяжелую сцену, было ясно, что ни для какой семьи не бросит он партию и дело революции, которой он отдавал свою жизнь.

Люди, мало знавшие Зиновия Петровича Соловьева, видели в нем строгого, сурового человека. Лицо его, почти всегда плотно сжатый рот, подбородок показывали большую волю.

И фотографии его говорят то же самое: и тридцать лет назад в группе товарищей мы видим это строгое, почти суровое лицо и тридцать лет спустя мы видим это же лицо, те же волосы, зачесанные наверх, ту же бороду, только волосы совсем седые, и черную рубашку с галстуком сменила военная гимнастерка с четырьмя ромбами на воротнике. Доктор Соловьев стал старшим доктором республики — начальником главного санитарного управления.

Зиновий Петрович любил природу и заботился о детях.

Лагерь будущих людей

Мысль о будущем никогда не покидала его. И когда он в осенний вечер забрел в одинокой прогулке к подножью Аю-дага, когда он обошел заброшенный уголок между Медведь-горой и Гурзуфом, он решил: здесь будет жить новое поколение людей.

Здесь не было ни дворцов, ни вилл, которых так много в Крыму, стояли два маленьких домика, окруженные великолепной природой. Зиновий Петрович решил, что трудно найти лучшее место для образцового пионерского лагеря.

Не прошло и года, как в белых палатках зажили первые отряды артекского лагеря. Под Аю-дагом заиграли горны и загремели пионерские барабаны.

Во главе лагеря Зиновий Петрович поставил доктора Шишмарева. И он не ошибся в выборе. Восемь лет своей жизни отдал Федор Федорович Шишмарев «Артеку», пока «Артек» не стал тем, что он есть, — лучшим лагерем Союза, образцом для всех лагерей.

Как-то еще в первый год жизни лагеря ночью поднялась страшная буря. На море ходили волны величиной с дома, ветер был так силен, что ломал деревья. С неба лились потоки воды, молнии не прекращались ни на секунду, ослепляя людей. Гром гремел так, что казалось, рушатся горы.

И вот ветер сорвал палатки, повыдергивал колья, на которых они держались. Ребята совершенно неожиданно очутились под ревущим и беснующимся небом. В лагере поднялась паника, ребята плакали, взрослые бестолково суетились, не зная, что делать. И среди этого кромешнего ада растерявшиеся люди услышали спокойный голос Зиновия Петровича:

— Детей—на дачи, вызвать весь персонал.

Вожатый Меркулов схватил двух маленьких ребят и побежал с ними наверх, где были дачи. Когда, спотыкаясь и скользя, Меркулов возвращался обратно, вниз, он увидел Зиновия Петровича, который нес троих ребят.

Эту ночь никто в лагере не спал. Утром и днем, пока ставили палатки, доктор Соловьев ходил по палаткам и осматривал ребят. Все оказались здоровы.

Когда все ребята были осмотрены и порядок восстановлен, Зиновий Петрович сказал:

— Больше не будем жить в палатках. К следующему лету выстроим сухие, светлые, легкие дома.

И к следующему лету просторные деревянные палаты стояли на площадке у моря.

А к Зиновию Петровичу приближалась смерть. Другие могли не знать этого, но доктор Соловьев прекрасно это видел. Болезнь его была неизлечима. Он не хотел умирать. Какая жизнь расцветала вокруг него! Но он был мужественный человек и не боялся смерти.

Будущее, которому он отдал всю свою могучую жизнь, пришло. Будущие люди уже родились. На его глазах они еще играли и учились жизни, но скоро начнут строить ее.

Смена за сменой проходят через артекский лагерь ребята. Первые артекские пионеры давно уже выросли. Они водят самолеты, строят заводы, учат других ребят. За ними на очереди следующие смены, они учатся в вузах, прыгают с парашютами, по комсомольскому призыву идут в шахты метро. Каждый год автобусы привозят в «Артек» все новых и новых ребят, и все они, проходя мимо памятника Зиновию Петровичу Соловьеву у беседки, на высоком холме, отдают ему пионерский салют.

ПУТЕШЕСТВИЯ растений

Очерк А. В. Стати

У подножья Аю-дага

Рис. В. Цельмера

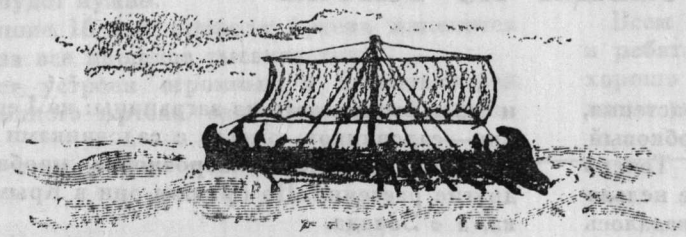
Артек всегда в зелени. И зимой и летом. Глянешь с моря — все зеленое, только кое-где белеют стены домов. Влезешь на Аю-даг, посмотришь сверху — тоже все зелено, кроме крыш, дорожек и волейбольных площадок.

Небольшой, в конце концов, этот Артек — так, уголок земли под самым Аю-дагом, а ходить по нему можно день, два, три, пять и все будешь встречать новое: новые деревья, новые цветы, животных — крабов на морском берегу, змей-желтопузиков в парке. Это безвредные змеи. Их ребята даже за пазуху кладут. Был случай, что в Артеке даже лисицу ребята поймали. Шкура ее теперь висит в музее, на стенке.

Небольшой уголок — Артек, а на Южном берегу Крыма нет почти таких животных и растений, каких бы не было в Артеке.

Но больше всего здесь вечнозеленых растений с блестящими кожистыми или пушистыми плотными листьями. Это уж как будто самые что ни на есть крымские растения. И листья эти всегда привозят из Крыма на память.

Но растения эти на самом деле вовсе не природные крымские. Эти растения—пришельцы. И в Артеке они поселились сравнительно недавно.



Греки у крымских берегов

Если бы мы перенеслись в Артек на 200 лет раньше, мы и здесь нашли бы много зелени. Но этих растений мы бы здесь не увидели. Из тех растений, которые есть теперь, мы нашли бы заросли дуба, граб, боярышник, вечнозеленый лиан — плющ, обвивающий дубы, единичные экземпляры лавра, одичавшие фиги, маслины.

Это было 200 лет назад. А пять тысяч лет назад среди буйной растительности мы не нашли бы ни лавров, ни маслин — одни дубы да грабы.

Откуда же она появилась, эта пышная растительность: все эти магнолии, инжир, земляничные деревья, кипарисы и лавры? Ветром ли занесло их семена, птицы ли принесли или так просто выросли? Что было здесь 5 тысяч лет назад?

По разрытым курганам, по остаткам крепостей, по найденным предметам: оружию, деньгам, посуде — установлено, что 5 тысяч лет назад в Крыму жил дикий кочевой народ—тавры.

От них в крымских степях остались курганы, в которых погребали воинов. В этих курганах находят кости воинов, их оружие, скелеты любимых коней, слуг и жен. И коней, и слуг, и жен убивали на могиле воинов и закапывали вместе с ними.

Это был, очевидно, свирепый и жестокий народ, который всю свою жизнь проводил в набегах на торговые колонии и в войнах с другими кочевниками.

В ту пору у берегов Крыма на легких парусниках вроде старинных турецких фелюг появились ловкие, предприимчивые чернобородые греки. Они выменивали у диких тавров шкуры зверей на посуду, на оливковое масло, на оружие.

Торгуя с кочевниками, они попутно, исподволь высматривали удобные места для своих колоний. Они выбрали себе самые удобные естественные бухты: на месте нынешних Керчи, Феодосии, близ нынешнего Севастополя.

Они и завезли с собой маслину, из плодов которой добывали прекрасное оливковое масло. Они очень хорошо умели разводить маслины. Мы еще до сих

пор не знаем их секретов. Знаем, что они удачно боролись с вредителями деревьев, а как боролись, не знаем.

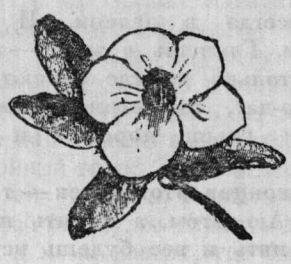
Греки привозили сюда и семена и молодые деревца. Предки нынешней крымской маслины совершили по тому времени большое путешествие: они пересекли все Черное море с юго-запада на северо-восток.

С греками пришел сюда и «благородный» лавр, листья которого идут в супы и соусы. Греки не только привезли его: они дали ему и название, и это название сохранилось в ботанике до сих пор.

У греков был обычай венчать своих героев, победителей на олимпийских играх, на войне, лучших поэтов и других славных людей лавровым венком. Церемония эта происходила очень торжественно, всенародно, на площадях городов. У рабовладельцев-греков увенчанным лавром мог быть только «свободный» грек. Раб, как бы ловок, одарен и смел он ни был, не признавался героем. Лавровый венок не мог быть надет на голову раба. Поэтому греки и прозвали лавр «благородным».

Эти два растения: маслина и лавр—достались Крыму и Артеку от древних греков, посещавших крымские берега и селившихся здесь 4—5 тысяч лет назад.

Греки же завезли и ввели здесь фруктовые сады и культуру винограда. И так, в течение 4—5 тысяч лет росли и развивались эти растения.



Пришельцы из Китая

Откуда же взялись такие растения, как лавровишня, магнолия, пробковый дуб, веерная пальма, кипарис? Теперь без кипариса и представить себе нельзя Южного берега Крыма. Но и кипарис, этот, казалось бы, крымский коренной обитатель,—тоже пришелец. Его привезли лет 150 назад.

Где же родина этих деревьев, как попали они сюда?

Родина большинства этих вечнозеленых растений далеко—на Востоке, в Китае и Японии. Но кто же их мог завезти сюда 150 лет назад? Что было тогда в Крыму?

Крым тогда был только что завоеван царской Россией, но и от России его отделяли огромные пространства редко заселенных украинских степей.

Может быть, тогда какой-нибудь русский путешественник вывез эти растения из Китая и Японии и привез их сюда? Но каким путем? Тогда ведь не только железных дорог на свете не было, но и морем люди очень редко отваживались забираться так далеко. Да и флота-то в России почти никакого не было, а в Китай и Японию никто не ездил. В те времена по России об этих странах ходили одни небылицы.

Как же все-таки эти растения попали сюда?

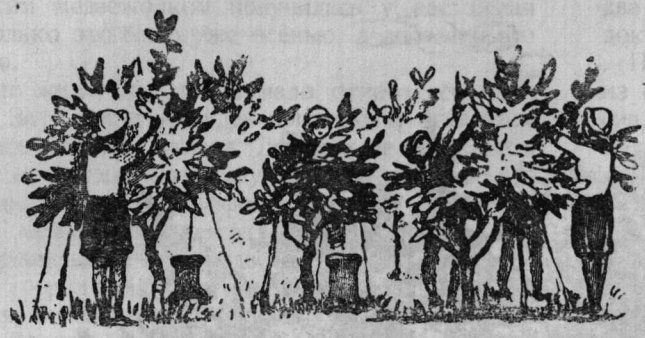
Сейчас же после завоевания Крыма, который помещики тогда называли «таинственным полуденным краем», императрица Екатерина II стала раздавать в подарок своим любимцам большие участки земли в Крыму. Новые крымские помещики стали обзаводиться хозяйством на европейский лад. Татар, коренных обитателей Крыма, оттеснили с побережья на неудобную землю, а сами захватили лучшие уголки Крыма и стали выписывать из заграницы: из Германии и Чехии—садовников. Вместе с садовниками и появились в Крыму кипарисы, лавровишни, пробковый дуб и другие растения. Но пришли они в Крым не с Востока, а с Запада.

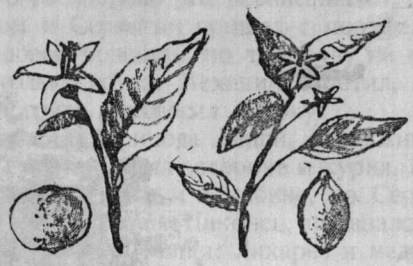
Как же эти растения далекого Востока попали на Запад? Оказывается, им пришлось много и долго путешествовать. Путешествовали они не годами и даже не десятками лет, а веками и тысячелетиями. Из Китая они попали в Индию и Персию. Медленно, из страны в страну двигалась культура древних народов. Так, постепенно, по путям древней культуры, по древним дорогам с торговцами и солдатами, переходили и эти растения из Индии и Персии в Египет, из Египта—в Италию и Грецию, на средиземноморские берега Европы. Там они прижились и нашли свою вторую родину. И оттуда уже через сотни лет вывезли их искусные немецкие садовники.

Так путешествовали эти растения.

Впрочем, некоторые растения попали в Крым и Артек более быстрым путем и сравнительно недавно, только 100 лет назад.

Сто лет назад из Северной Америки привезли мамонтовое дерево, оттуда же привезли и болотный кипарис. И эти растения уже не кочевали так, как кочевали лавровишня и обычный пирамидальный кипарис. Возможно, что они приехали сюда уже на пароходе. И, скорее всего, привез их сюда Никитский ботанический сад—первое культурное учреждение в России, которое уже сознательно поставило себе целью заселить Крым новыми культурными растениями. Много сортов винограда и фруктов привез сюда Никитский сад.





Артек ждет зеленых гостей

Будет ли дальше Артек пополняться новыми растениями? Мы видим, что вся флора Артека завезена человеком. Человек изменял природу, но в прежние, далекие времена это изменение шло очень медленно, сначала тысячелетиями, да и потом, когда Крым достался помещикам, на это потребовалось тоже несколько десятков, а то и добрая сотня лет.

Теперь, когда Крым стал всесоюзной здравницей и Советская страна устроила в Артеке всесоюзный пионерский лагерь, теперь, когда мы выгнали из Крыма князей и дворян, взяли их дворцы, чтобы там могли отдыхать трудящиеся, построили много замечательных домов отдыха и санаторий, мы можем взяться и за природу Крыма и перестроить ее так, как нам это будет нужно.

За ближайшие 10 лет природа Артека изменится больше чем за все прошлое тысячелетие.

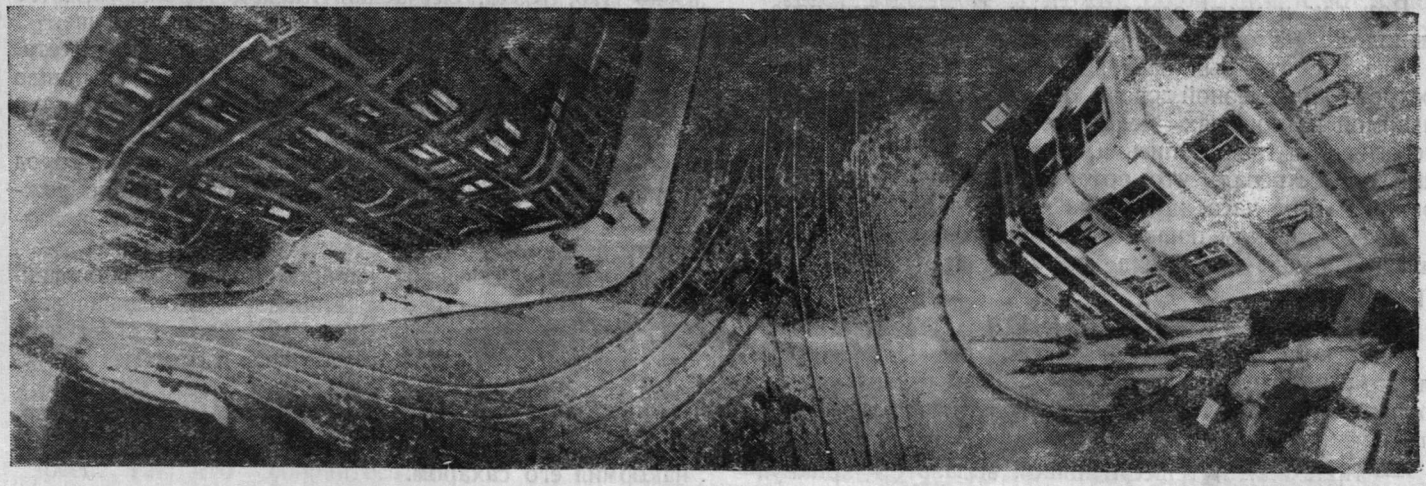
Здесь будет устроен огромный, в несколько раз больше нынешнего Артека, оздоровительный комбинат—гигантский пионерский лагерь. Лагерь из нескольких лагерей.

Артек обогатится новыми растениями. Сюда привезут тропические пальмы, агрумы — лимонные и апельсинные деревья, орхидеи, кактусы. В большевистском плане переделки природы Артека точно рассчитано, сколько зеленой площади придется на каждого отдыхающего пионера.

И если вам доведется побывать в Артеке, зайдите ко мне в музей. Мы с вами пройдемся по обоим артекским паркам, посмотрим на все замечательные деревья и на старые растения, привезенные хитрыми греками 5 тысяч лет назад, и на более молодые, посаженные немецкими садовниками, и на совсем молодые, которые посадили мы.

Всем этим растениям, приехавшим сюда навсегда, и ребятам, приехавшим на месяц в лагерь, живется хорошо под нашим ясным небом, и никто из них не хочет уезжать.

Голубь-фотограф



Читатели «ПИОНЕРА» уже знают, что голуби — отличные почтальоны. Почти во всех странах в армии есть отряды почтовых голубей. Инструктора-специалисты тренируют их каждый день и делают из них не только почтарей, но и военных разведчиков. В Германии сконструирован фотоаппарат всего в 40 граммов весом. Этот фотоаппаратик с помощью часового механизма автоматически снимает местность, над которой летит почтарь.

Вот одна из фотографий, снятых таким фотоаппаратиком во время полета голубя-разведчика.

последний полет

Рассказ А. Некрасова *Рис. Б. Берендгофа*

Теперь другое дело. Теперь на нашем острове большие дома с разноцветными крышами, фонари, водопровод, машины. А в то время стояло 40 тесовых бараков, крытых толем, полтораста палаток—«ситцевый городок», столовая и лесопилка с железной трубой. От лесопилки в разные стороны разбегались узкоколейные пути на сваях.

Это там, где теперь город. А там, где сейчас промыслы, была тайга. Замшелые вековые стволы, непролазное болото, медведи. Однажды зарубили топорами матерую медведицу в ста шагах от моей палатки. Мясо бросили в общий котел, а медвежонка, который был с медведицей, посадили на цепь около столовой. Медвежонок оказался смирным, вроде как в Москве, на бульваре. Он сидел на задних лапах, передними отгонял комаров, а ревел только тогда, когда его забывали накормить.

Вот так и жили островитянами. И вдруг все переменилось. На остров прилетел самолет.

Для нас это был настоящий праздник. От нашего острова до железной дороги 10 дней езды на пароходе, а зимой на лошадях—целый месяц. А тут пожалуйте: сегодняшняя газета, письма, посылки. А главное, каждый почувствовал, что вот, если понадобится позарез,— четыре часа, и ты уже в городе.

Над козырьком поднялось загорелое лицо, широкие плечи. Летчик посмотрел на толпу, улыбнулся и негромко сказал:

— Ну, здравствуйте!

На берегу загалдели. А он приподнялся на локтях, ловко выпрыгнул на крыло, достал из кармана ключ и отпер кабину. В серебряном брюхе юнкерса открылась черная дыра, оттуда выглянули незнакомые лица.

— Приехали, путешественники, вылазьте!—крикнул летчик. А потом механику:—Алеша, подай-ка лесенку.

Тогда из-за козырька поднялся другой, в шлеме, в кожаной куртке с ремнем, в перчатках, в полном обмундировании. И тут только бросилось в глаза: летчик-то в серой рубашке без воротничка, с медной запонкой на шее, в синих брюках и в желтых полуботинках. На них еще пыль осталась: как шел по городу, так и полетел.

Он подал лесенку пассажирам, и те вылезли из самолета. Их было четверо. Они молча разминались на пристани.

Начальник строительства шагнул навстречу летчику, представился:—Сермягин.— И взял под козырек. А тот посмотрел на ладонь — чистая — и протянул руку.

— А я Лихарев, Михаил Иванович, буду к вам летать два раза в неделю. — И опять механику:

— Алеша, посмотри мотор, через час чтобы все было готово.

Пошли в столовую. Лихарев торопился. Он не стал осматривать ни поселка, ни лесопилки, шел не сворачивая, прыгал с кочки на кочку и только у медвежонка задержался, подошел к нему, запустил руку в пыльную шерсть и почесал ему загривок.

— Что, тезка, скучаешь? Жалко, тороплюсь, а то бы мы с тобой погуляли,— сказал и пошел дальше.

В столовой хотели устроить что-то вроде банкета. Кое-кто приготовил и речи и тосты, но все это пошло насмарку. Лихарев наскоро пообедал, поблагодарил и заторопился к самолету:

— Очень жалко, товарищи, но надо. К нам в город приехала московская оперетта. Теперь не скоро дождешься, а у меня билеты. Уж вы не обижайтесь, празднуйте без меня.

И никто не обиделся, наоборот, это даже понравилось, потому что еще ближе показалась большая земля. Тут медведи, тайга, кругом море, а вот в два часа пообедал, а вечером—в театр, еще и переодеться успеет.

Пошли провожать самолет. По дороге снова задержались на минуту у медвежонка, и Лихарев с ладони накормил его сахаром.

Обратно самолет полетел без пассажиров.

Потом только и разговоров было, что о Лихареве.

А медвежонок стал как-то сразу заметной фигурой. Раньше никто на него и не смотрел, а с тех пор, кто ни пройдет, непременно:

— Ну как, Михаил Иванович, скучаешь?..

Вот с этим медвежонком получилась у нас целая история. Только это было уже осенью, а до осени все шло хорошо.

Мы скучно жили, дни у нас мало отличались один от другого. Зато когда Лихарев прилетал и оставался ночевать, весь поселок оживал. Лихарев не мог сидеть сложа руки и каждый раз выдумывал что-нибудь новое. Однажды привез граммофон, поставил на пень и стал учить медвежонка плясать. Потом подбил нас устроить соревнование по стрельбе, и сам выиграл второй приз; а то раз взял пилу и напилил городков. Просто, кажется, а без него мы до этого и не додумались. У Миши (а Лихарева тогда уже весь остров звал просто Мишей—и знакомые и незнакомые) была отдельная комната в бараке. Он по вечерам устраивал маленькие пирушки, приносил неприкосновенный запас машины. Мы собирались, ели аварийный шоколад, пили аварийное какао и закусывали аварийными бисквитами. Нам после солонины с бобами это казалось особенно вкусным, а он угощал и смеялся:

— Пока жив — только и полакомиться, а гробанусь — некогда будет закусывать.

Другой бы сказал так, и шоколад встал бы поперек горла, а у Миши и это хорошо выходило. Все знали: разве такой гробанется!

Так мы прожили лето и не заметили, как нагрянула зима. Сразу, за одну ночь, похолодало, на заливе появились забереги, и утром выпал снег. А в море с севера нагнало лед и забило пролив так, что на пароходе никак не пройдешь.

И самолету осталось летать недолго. Встанет залив—и конец. На лед на поплавках не сядешь, нужно на лыжах, а на материке снег будет через месяц, через два — не раньше.

И вот тут получилось так, что вся наша стройка повисла на волоске. И не только наша, а еще одна, соседняя, которая стояла на материке. С последним пароходом к нам привезли 15 ящиков подковных гвоздей. Небольшое дело, а для нас в этих гвоздях — год работы. Не подкуешь лошадей, собьют копыта, за зиму не вывезут леса. Не из чего будет строить.

Мы этих гвоздей ждали как подарок, а когда открыли ящики, посмотрели: там вместо подковных гвоздей медная арматура к машинам для соседнего завода. Нам этими медяшками в собак швырять, а там без них не соберешь машин, и, значит, тоже сорвут все планы и тоже зима насмарку. После докопались: оказалось, что это вредительство. Но сначала думали, что, может быть, и ошибка, а главное было, как бы ее исправить. Тут одна надежда осталась на Лихарева. Дали телеграмму: вылетай немедленно.

И утром прилетел самолет. Выпрыгнул как всегда из тучи и сел. И Миша все такой же, только, конечно, в теплом пальто и в ушанке. Сермягин сам решил лететь в город. Ему там было нужно продвинуть какие-то дела, и меня он потащил с собой:

— Вот что, вам тут делать нечего, а мне в городе нужен человек. Так что собирайтесь и грузите эти ящики на машину.

Мы с механиком понаставили ящики в кабину, один к одному как кубики. Они и места немного заняли, но машину загрузили здорово; потом еще принесли два мешка почты, килограммов по двадцать: напоследок что-то здорово все расписались.

Потом и Сермягин пришел с портфелем, а Лихарев из столовой позвонил по телефону на пристань, спросил, сколько груза. Механик ответил, что нормально, полный груз, и повесил трубку.

Я пока, до прихода Миши, расхаживал по пристани, а Сермягин стоял в стороне и курил. Миша разрешал пассажирам курить и в кабине, но Сермягин не стал: не хотел рисковать. Наконец, показался Миша. Да не один, а сразу два Миши: Лихарев и медвежонок.

— Послушайте, Лихарев, бросьте его, на кой он вам, ведь полный груз, кажется!—крикнул Сермягин.

— Подумаешь, перегрузка, тридцать килограммов! Мне только оторваться, а там хоть еще тонну грузи,—ответил Лихарев и затолкал медвежонка в кабину.

Сермягин сбросил недокуренную папиросу и влез на крыло. Миша забрался в кабину, попробовал рули, элероны, потом вылез опять.

— Алеша, давай-ка почту в капот заделаем, а то лететь далеко, а с перегрузкой будет все время драть кверху, руки отмотает. Уравновесим?

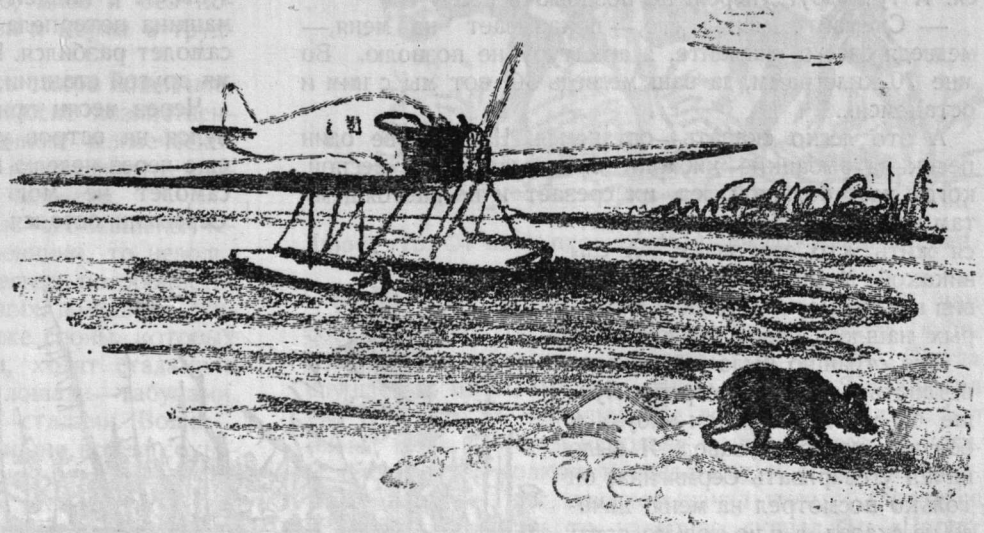
Я подал механику оба мешка, он приподнял крышку мотора и привязал ремнями мешки—один справа, другой слева. Опять закрыл мотор и стал крутить винт.

Потом Миша запер кабину, и почти сейчас же заревел мотор. Медвежонок до этого нюхал ящики, а тут сел, закрыл голову лапами и задрожал мелкой дрожью.

Самолет побежал, бежал долго, потом чирк, чирк, оторвался—и вот уже видно в окно: залив, «ситцевый городок», тайга—будто в волшебном фонаре меняют картинку.

Самолет низко летел над тайгой, прямо хоть грибы собирай. Выше были тучи. Тайга под нами стояла густая, черная, потом начала редеть, и вот желтый песок широкой лентой, а дальше море... Страшное... Льдины серые и белые, а вода синяя, синяя. Точно в корыте развели синьку и положили белье. В одном месте топорщится, вздулось пузырем, в другом лежит ровно. Вот маленький островок, на нем летом рыбалки, а сейчас, конечно, нет ничего. У островка синий треугольник воды. Лед напирал с севера, и здесь чисто.

Я посмотрел на крыло: дрожит. И странно кажется: жиденькое, а держит такой груз. А вот капот, видно самый краешек. Щели вроде как жабры у стер-



Миша шлепнулся и поплыл к берегу. Вылез, отряхнулся и посмотрел жалобно кругом.

ляди, и из щелей серый дымок. Такой ветрило, а он вьется как в комнате от папироски. Довьется до какого-то места и сразу пропадает, ветер его слизывает. А там, где вьется, значит нет ветра. И все гуще и гуще дымок. Тут уж не папироска, а целый самовар. И вот повалил как из печки, словно забыли заслонку открыть.

А Миша не видит. От него видно капот, только там ветер все дочиста вылизал. Сказать? А вдруг так и надо. Еще засмеет.

Все-таки решил сказать, пусть смеется. Пролез вперед, к дверке, тронул его за плечо и показываю. И не слышу, а вижу, он говорит:

— Красота!

Я ему: «Дым! Дым!»—но ничего не слышно, ревет мотор. Все-таки он приподнялся, взглянул туда и сразу дернул какую-то ручку. Мотор замолчал, точно втянул в себя весь шум, и пропеллер замелькал так, что стало видно.

И уж слышно, как Миша сказал:

— Горим, почта горит!—а сам глазами ищет, куда садиться, и самолет круче, круче, носом к воде, накренился на бок и кольцами к островку, к тому треугольничку. Сермягин проснулся, напирает на меня сзади, спрашивает:

— Что случилось? Посадка!

— Не зна...—только и успел я. Опять рявкнул мотор. Это Миша подтянул к посадке, и хлоп—сели. И опять тихо. Миша сразу выскочил к мотору, открыл капот, там полно дыму и мешок с почтой почернел, дымит и тлеет. Он его ногой, и конверты как голуби разлетелись, посыпались в воду. Падают и, слышно, шипят, точно кто утюг пробует горячий.

— Ну сели... в лужу,—сказал Миша,—лужа и есть. Давай, Алеша, выгружай ящики, еще килограмм сто надо сбросить, а то не оторвусь, разбега не хватит. Да быстро, а то затянет совсем. Здесь зазимуем,—и он полез в кабину и сам ухватился за ящик.

Вот тут Сермягин и показал себя. У него были два ордена, но мы между собой говорили, что это, должно быть, так, по ошибке, ничем он своего геройства не показывал. На других стройках на материке были прорывы, штурмы, а потом рапорты о победах, а у Сермягина все шло как заведенная машина. Он жил рядом с лесопилкой, и, когда по утрам выходил с полотенцем на ключ, кочегары давали гудок. Говорят, и часы по нему проверяли.

Я ни разу не видел, чтобы он торопился или сердился. А тут вдруг уперся: не позволю и все.

— Снимайте меня, его,— показывает на меня,— медведя своего снимайте, а арматуру не позволю. Во мне 70 килограмм, да ваш медведь 30, вот мы с ним и останемся...

А это легко сказать—останемся. На острове один песок да рыбацкие хибарки вроде шалашей; весной, когда идет большой лед, их срезает и по-настоящему там не строят. И сколько придется жить, кто его знает. А еды никакой: Миша все друзьям оставил в поселке, и спичек у четверых нашлось всего две коробки.

Мне страшно было и подумать оставаться на этом острове. Лучше бы уж ящики, как-нибудь и без них построят завод. Я было начал уговаривать Сермягина, он только посмотрел на меня, ничего не сказал, а я не только оставаться, а уж готов был провалиться сквозь этот остров.

А Лихарев не сдается:

— Не имею права. По инструкции, в первую очередь мертвый груз и только в крайнем случае...

И вот тут Сермягин разозлился.

— По инструкции? Что это вы инструкцию вспомнили? А медведей возить — по инструкции? А неприкосновенный запас приятелям скармливать? По инструкции вас давно надо снять с полетов. И это не мертвый груз, а самый живой, живее нас с вами. Ну, марш, без разговора! И чтобы завтра гвозди были на острове, а успеете, так и сегодня. Вот вам и инструкция!

И тут Миша сразу осел, стушевался. То был герой, а вот стоит точно школьник у доски, провалился.

— Ну, тогда, Алеша, заводи,—сказал, и голос уже не тот, не лихаревский. Потом взял медвежонка, спихнул прямо в воду, тот шлепнулся и поплыл к берегу. Вылез, отряхнулся и посмотрел жалобно: за что, мол?

Потом запер меня в кабине, подрулил в самый уголок, развернул самолет и дал полный газ. Я думал, не взлетим, но у самого берега юнкерс взял горку и пошел, пошел в воздух.

А Сермягин с медвежонком—как два паучка на желтом листке. Один чуть поменьше, другой чуть побольше. Скоро совсем пропали. Я еще посмотрел и заснул. Не заметил, как прилетели в город.

Миша выскочил. Лицо такое, точно у него зубы болят. И все: «Скорее! Скорее!»—И будто больно ему говорить это слово, а все повторяет: «Скорее!»

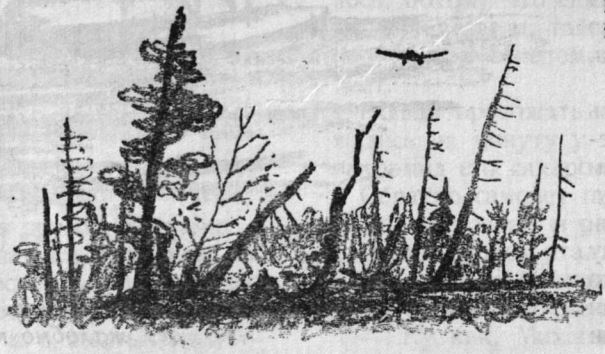
— Хлеба, скорее, консервы, тулупы, скорее, папиросы!— И мне: — А ты давай в город скорее, садись на машину и как-нибудь там эти гвозди добывай, только, пожалуйста, поскорее, чтобы через 20 минут сюда. День-то вот какой,—и показал ноготь на мизинце.

Я умчался в город. Но в 20 минут не успел, только в полчаса управился. Привез злополучные гвозди и уже сам проверил, что это гвозди и есть. А те ящики отправили на завод. Миша, как погрузили ящики, уже завел мотор и сразу, как заперли кабину, рванул и без круга даже так и пошел на восток, к острову. А я на радиостанцию. Сидел там, знал, что раньше чем через 4 часа ничего не может быть, а ждал, не уходил. И радисту надоел, глаза намозолил, но, наконец, вижу: принимает.

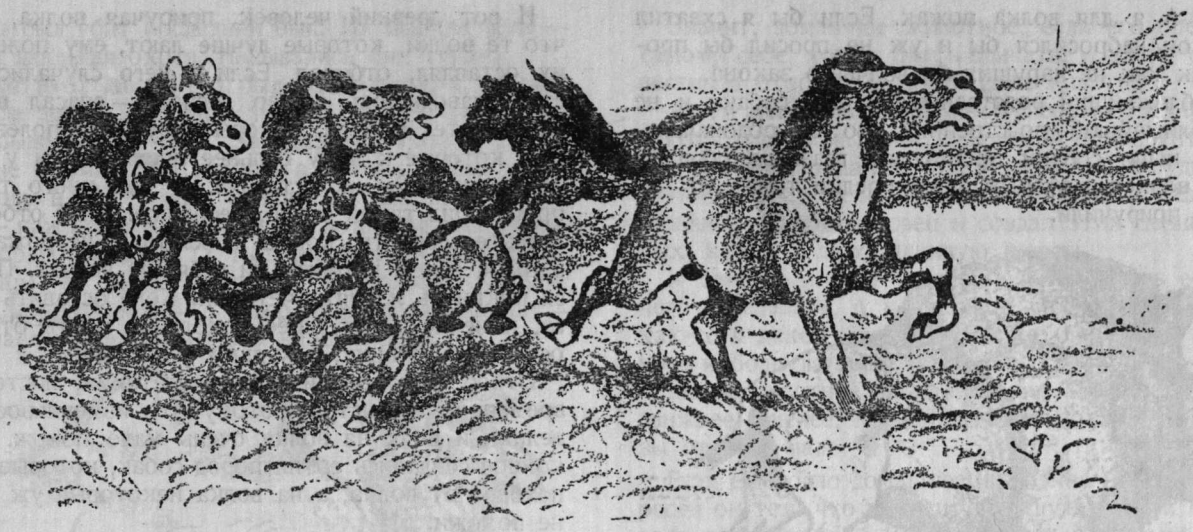
— Ну вот на тебе остров...

Вести пришли неважные. На рыбалке сесть не удалось. Только сбросили Сермягину продовольствие и тулупы. А с Мишей еще хуже получилось. При посадке машина потерпела аварию, экипаж здоров, груз цел, а самолет разбился. Потом остров замолчал, уступив время другой станции, и я пошел домой.

Через месяц прислали новый самолет. Я на нем вернулся на остров уже по зимнему пути, на лыжах, а еще через неделю привезли на собаках Сермягина. Там самолет не мог сесть и зимой: сплошные торосы. Сермягин остался таким же, как прежде, и опять по нему проверяли часы, даже и незаметно, что прожил отшельником месяц с лишним.



Вот Лихарев, тот сдал. После аварии стал скучным и отказался лететь на материк, поехал на лошадях. Потом он долго не летал, не знаю, сейчас летает или нет. А медвежонок околел, простудился. Сермягин снял с него шкуру и подарил Лихареву. Расстались они по-хорошему.



Как человек переделал диких зверей

Очерк С. Я. Калмансона

Рис. В. Трофимова

На земле существует множество различных видов животных, например лошади, собаки, львы и т. д. А сколько таких видов? Больше миллиона! А сколько из этих видов домашних? Всего около 20 видов. А как произошли домашние животные, откуда они взялись, чем они отличаются от своих диких родственников? Какие же животные называются домашними?

Возьмем слона, которого, вероятно, многие видели в Зоопарке. Это громадное животное весит 4000 килограммов и слушается человека.

В Индии на слонах работают. Прирученного слона приводят в лес, он обхватывает огромное дерево хоботом и зарывает его, а потом относит куда следует. Но в неволе слоны не размножаются, каждый раз их надо заново ловить и приручать, почему их и нельзя назвать домашними животными.

Вот корова—это уже домашнее животное: в неволе она размножается, дает молоко, мясо и без помощи человека, без ухода, без хлева и корма в трудное зимнее время жить не может.

Значит, домашним следует считать такое животное, которое размножается в неволе, приносит хозяйственную пользу или же служит украшением человеческого жилья, как например канарейка, и которое нуждается в защите и уходе со стороны человека.

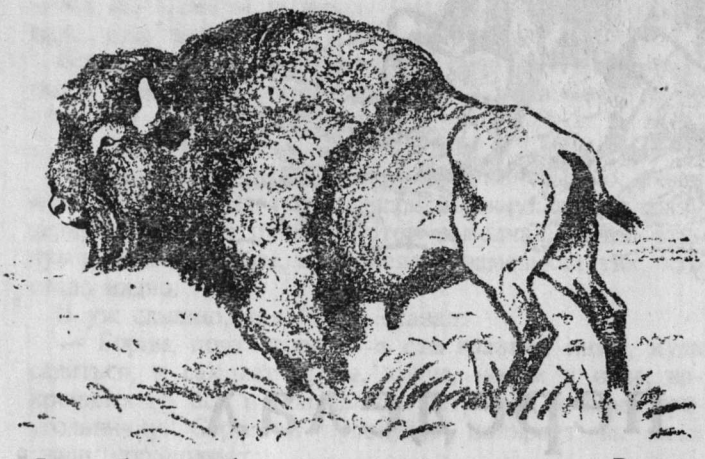
Если посмотреть, какие животные одомашнены человеком и каковы их дикие родственники, то невольно бросится в глаза очень интересная подробность: почти все дикие родственники наших домашних животных живут на воле стадами. Даже слоны, которых мы можем назвать полудомашними, ходят стадами в несколько десятков голов. Дикие лошади—табунами. Дикие овцы—стадами. Дикие козы—стадами. Волки—хищники—тоже, правда, небольшими, но всегда семьями, в 6—7—8 волков. Животные же, которые в диком состоянии живут обособленно, в одиночку, как тигр, лев, рысь, лисица,—таких животных нет среди домашних. Что это значит? Это значит, что животное, которое имело в диком состоянии особенность подчиняться какому-то общему закону, благодаря которому стадо держалось вместе и подчинялось своему вожаку, более предрасположено к одомашнению и подчинению человеку чем звери, живущие в одиночку и никому не подчиняющиеся. Так, в волчьей семье есть вожак. Он бросается на жертву, и все бросаются следом за ним. Он ведет семью. Прирученные волки видят в человеке своего «вожака» и слушаются его.

Дикий тур. От него произошла наша домашняя корова.

В Зоопарке есть ручной волк, более ручной чем собака: ходит за мной, лижет руки, лижет лицо. Кличка его «Каскыр», по-киргизски — волк. Всегда слушается меня. Но был такой случай. Я выпустил его погулять на полянку. Не досмотрел, а там был олень. Волк бросился на оленя и схватил его за ногу. Я бросился за волком и задал ему хорошую трепку. Волк отскочил, лег, хвостом начал вилять, ласкаться и, если бы говорил, то, наверное, сказал бы: «Прошу прощенья!» Дело в том, что в волчьей семье, пока вожак не даст знак, что можно нападать, никто не

нападает. А я для волка вожак. Если бы я схватил оленя, и он набросился бы и уж не просил бы прощенья, так как не нарушил бы волчьего закона.

Волк—ближайший родственник нашей собаки и не только ближайший родственник, но ее родоначальник. Все наши собаки происходят главным образом от диких волков, которых наши предки тысяч 10—12 лет назад приручили.



Дикие быки—зубры—населяли в прошлом леса Восточной Европы. Сейчас их во всем мире 70 штук. Эти быки никогда не были одомашнены.

Каким же образом? А вот как. И сейчас есть и в Зоопарке и у многих охотников ручные волки. Если маленького волчонка отнять у волчицы и вырастить, он делается ручным. Есть пословица «Сколько волка ни корми, он все в лес глядит». Пословица эта больше к людям относится. А если будешь волка кормить, он будет не в лес глядеть, а на тебя. Раз я ехал с ручным волком по Ленинградскому шоссе в автомобиле. Волк смотрел в окно и ворочал головой вправо и влево. Потом, очевидно, что-то не разглядел, разбил стекло и выскочил. Я его на цепи не держал, потому что он был совсем ручной. Он убежал в лесок. Я вспомнил пословицу, испугался, остановил машину, выскочил и кричу: «Каскыр, Каскыр!»

Он скоро вернулся из лесу, залез в машину и в лес совсем не глядел. Его что-то заинтересовало, автомобиль ехал слишком быстро, он не успел разглядеть, решил остановиться и выскочил, а потом, конечно, прибежал обратно.

В Зоопарке на площадке молодняка много ручных волчат, но они ведут себя неодинаково: одни хорошо приручаются, другие ведут себя полудико. Если бы я был диким человеком, жил бы в пещере, окружали бы меня дикие звери: медведи, тигры—и был бы у меня такой ручной волк, который имел бы чутье много лучше чем у меня, слух много тоньше моего и предупреждал бы меня, что подходит такой зверь, который может разорвать меня и с'есть,—такого волка я никому не отдал бы, дорожил бы им, всегда держал бы при себе в пещере, кормил его и считал своим другом. Уже древний человек должен был обратить внимание, что волк — полезное животное. Он был бы еще полезнее, если бы он как собака лаем предупреждал об опасности, но волки не лают, они воют.

И выражения в этом вое нет. А если собака лает, мы знаем, что она боится, радуется или предупреждает. Иногда и собака воет, говорят «на луну», но не на луну она воет, а вообще воет, это осталось у нее от предков, когда они сами были волками.

А можно волка приучить лаять? Можно. Да и дикие волки воют по-разному: одни только воют, а вой других приближается к собачьему лаю.

И вот древний человек, приручая волка, заметил, что те волки, которые лучше лают, ему полезнее. Он их оставлял, отбирал. Если у него случались несчастья: наводнения, пожар лесной, — спасал в первую очередь тех волков, которые ему были полезнее других, которые к нему сильнее привязаны и у которых лай лучше. Он их оставлял. И так много тысяч лет происходил такой отбор, несознательный отбор. Представьте себе, что корма не хватает, неурожай, охота плохая, нечем кормить ни себя, ни волчат. Приходится выкинуть из пяти четырех. Кого оставить? Лучшего, конечно. Следующее поколение опять отбирало и оставляло лучших, а худших уничтожало.

Отбор шел веками и тысячелетиями, постепенно, а временами и быстро, потому что изменчивость очень велика и волк на волка очень мало похож. В конце концов создались сотни пород собак, которые все происходят от волка, а на волка некоторые уж и совсем не похожи.

В настоящее время, когда научно подошли к вопросам наследования, мы можем сознательно вести отбор, улучшать породу растений и животных очень быстро: что раньше делалось за 2 тысячи лет, сейчас делается за 20 лет. Мы знаем, каким образом хорошие признаки передаются по наследству, как они комбинируются, и мы используем эти знания в практике животноводства и растениеводства.

Сравнительно недавно, лет 50 назад, в Монголии путешественником Пржевальским впервые были открыты табуны диких монгольских лошадей.

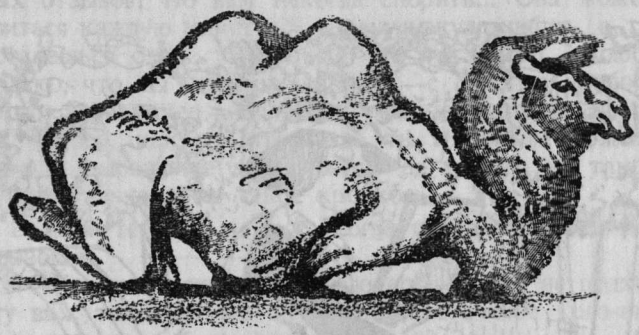
Когда ловили этих диких монгольских лошадей, пришлось за ними долго гнаться. Кобылы, у которых были маленькие жеребята, также убегали от преследовавших их верховых охотников. И вот они стали отставать, потому что не хотели бросать жеребят, а жеребята не могли бежать быстро. Вожак табуна все время смотрел на отстающих кобыл. Он бежал впереди, потом отстал, пропустил весь табун, подбежал к кобылам, погнал их вперед, а сам начал подталкивать жеребят, хватать за гривки и тянуть за собой. Но они все же отстали, и он остался с ними. Вожака застрелили, жеребят поймали, чтобы их изучить.

Раньше на территории СССР было очень много диких, свирепых быков, с громадными рогами. Лет три-

Дикий козел.

ста назад был убит последний бык. Их выбили всех — это была любимая охота. Назывались они турами.

Так вот этот дикий тур был одомашнен, и от него произошла наша домашняя корова. У дикой турицы молока было очень мало. За весь год турица давала молока не больше 300 литров, а сейчас самые хорошие коровы в СССР дают больше 10 тыс. литров, это значит — каждый день литров 40. А американская корова-рекордистка дает 17 тыс. литров. Сумасбродные американцы ей даже памятник поставили. Каждый день эта корова дает 4—5 ведер молока, это значит— 2 кило масла от одной коровы каждый день.



У верблюда громадные мозоли на ногах, на груди и на всех местах, которые соприкасаются с горячим песком, когда он ложится.

Все это создал человек. Он одомашнил дикого тура, отбирал из них лучших, растил, а худших браковал и резал на мясо. Следующее поколение опять и опять повторяло отбор, и так сотни лет, тысячи лет труда вложены в эту корову, которой воздвигли памятник.

Диких свиней и сейчас в СССР очень много на Кавказе, в Белоруссии, на Дальнем Востоке. На Кавказе они приносят большой вред: залезают в бахчи, где арбузы, дыни, тыквы, с'едят немного, а вытопчут много. Хозяйственной пользы от кабана почти не было и нет. Кабан состоит почти из головы и ног, остальные части тела развиты слабее. У домашней свиньи голова маленькая, ноги короткие, а окорока большие. Дикий кабан приносит детей на четвертый год. Домашняя свинья — через год. Она размножается во много раз быстрее дикой. В хозяйственном отношении она выгоднее. Так человек трудом своим сделал почти бесполезное дикое животное полезным и домашним.

Дикий кролик — родоначальник всех пород домашних кроликов. Он водится главным образом в Италии, в Испании. Дикий кролик одноцветный, серенький, маленький, весит полтора кило. А что создал человек? Сейчас есть 50 пород, которые отличаются по цвету, по величине, по форме ушей. У нас есть немного диких кроликов на Днепре. Их привезли в 1903 году. Они живут и размножаются. В большом количестве дикие кролики очень вредны. Они уничтожают посевы и деревья. У нас такой опасности нет. В СССР холодно, и на свободе дикие кролики в большом количестве не размножаются, а в других странах, в Австралии например, куда завезли кроликов, они так размножились и приносят такой вред, что государство не знает, как бороться с ними, а бороться с ними очень трудно. Дикий кролик живет в глубоких норах большими стайками и копает норы очень хитро: ход спускается на два метра, а потом идет не прямо в землю, а углами, зигзагами. Разрыть нельзя, не найдешь. От норы кролик далеко не уходит, если его напугаешь, он стрелой в нору прячется. Домашний кролик, если его выпустить на свободу, через месяц начнет рыть нору. Если его оставить на свободе, он дичает и часто через несколько поколений принимает окраску дикого кролика.

Значит, домашнее животное, если его предоставить самому себе, может опять одичать, и такие случаи известны в отношении почти всех животных.

А чем ценна овца? Длинной шерстью. Из шерсти делаются пряжа, материи, валенки. А попробуйте из шерсти дикого барана или дикой овцы что-нибудь сделать! Ничего не сделаешь. Шерсть у них короткая, грубая. Человек одомашнил овец и создал этих ценных животных, которые дают длинную шерсть.

К домашней овце можно подойти, взять ее, она ничего не сделает. А к дикой не подойдешь. Подошел я как-то к дикой овце в Зоопарке, она встала на задние ноги и боднула меня рогами.

Дикое животное часто красивее, наряднее, всегда подвижнее, смелее, предприимчивее домашнего. Но пользы от него мало.

Есть еще одно домашнее животное — верблюд. Интересен он тем ,что выносит большую жару и может без воды прожить дней 10 и при этом нормально работать. Мы можем его использовать в наших пустынях и полупустынях как рабочее животное.

На Севере есть такое полезное животное — северный олень. Если сравнить северного оленя с другими оленями, то видно, что он приспособлен к северному холодному климату в результате длительного отбора. Во-первых, он никогда не потеет. У него нет потовых желез, он не может выделять пот. Если бы он потел, он погиб бы: пробежится, вспотеет, остановится и сразу же покроется ледяной коркой и уже не сможет ни повернуться, ни двинуться. Его копыта устроены так, что они раздвигаются очень широко, и олень не проваливается в снегу.

У оленя сильно раздвоенные копыта.

Верблюд приспособлен к другому климату. У него громадные мозоли на ногах, на груди и на всех местах, которые соприкасаются с горячим песком, когда он ложится. Люди долго думали, что если бы не было этих мозолей, верблюд обжигал бы себе кожу. Но оказывается, что это не совсем так. Если песок очень раскален, то верблюд стоит минут 20, не ложась и бросая тень, а потом ложится на свою тень, где песок охлажден. Ум тут не причем. Верблюд не рассуждает, что песок очень горяч и ложиться нельзя. Нет, это просто привычка, которая передается по наследству. В других местах, где нет этих раскаленных песков, верблюд все равно после длительного пути никогда сразу не ложится на землю.

А можно создать новых домашних животных, помимо тех, которые существуют? Можно и нужно. Есть олень лесной, громадный, больше коровы и больше быка, — это лось. Это—очень крупное животное, с длинными ногами. Он может питаться одними ветками, а корова не может. Лось может пройти по таким местам, где никакое животное не пройдет: по болоту, по глубокому снегу. Зоопарк пытается найти методы одомашнения лося. Некоторые лоси уже ходят в упряжи. Уже есть изменения в их поведении.

Многие домашние животные так сильно изменились, что трудно себе представить, что они произошли от диких родоначальников. Изменились они по внешнему виду, изменились и по своей производительности.

Но надо помнить, что производительность домашних животных велика только в том случае, если люди хорошо за ними ухаживают, содержат их в чистоте и правильно кормят.

Опять этот Питер

Когда наши детские писатели описывают жизнь ребят, они правдиво рассказывают и о хороших и о дурных качествах наших ребят. Мы жестоко бы высмеяли такого писателя, который изобразил бы наших пионеров и школьников ангелочками и паиньками, без всяких недостатков.

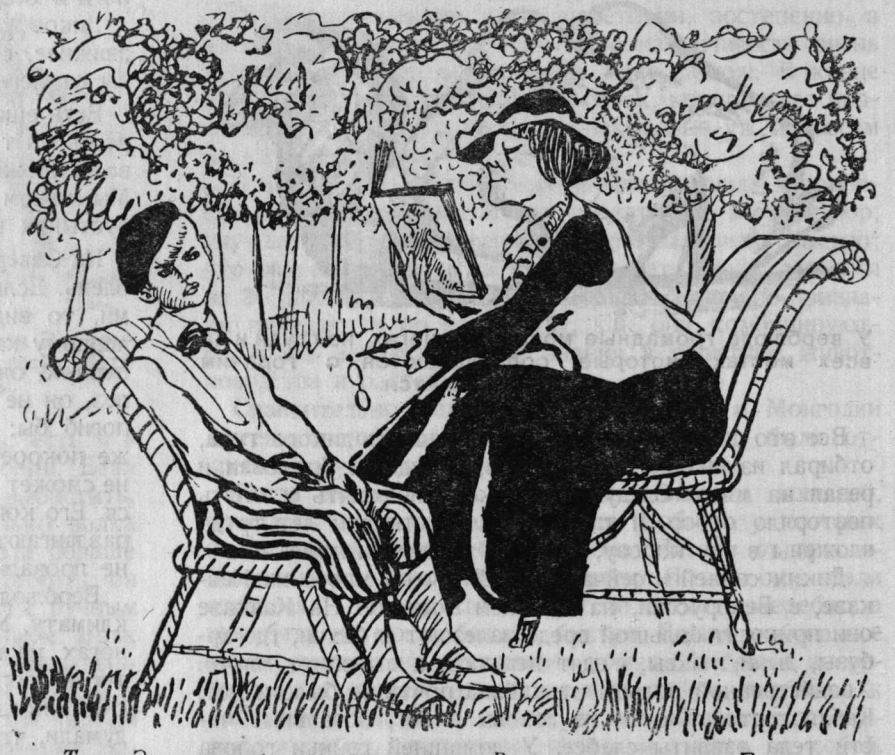
Иное дело в буржуазных странах. Когда-то там были хорошие писатели, написавшие прекрасные произведения. Романы Жюль Верна читались и читаются миллионами ребят. А сейчас в детской литературе буржуазных стран мы не знаем ни таких писателей, ни таких произведений. Зато мы знаем, как настойчиво буржуазия заражает ребят военным духом, воспитывая из них солдат для защиты буржуазного строя. Мы не знаем правдивых книг о ребятах. Книжные магазины и детские журналы полны рассказами о таких выдуманных паймальчиках, как Питер в рассказе, который мы печатаем. Рассказ этот—отрывок из книги английского писателя Р. Кромтона.

Перевела с английского
Н. А. Олигер

Рис. М. Горшмана

Вильям гостил у тети Эллен и очень скучал. У тети Эллен никогда не было детей, и она понятия не имела о том, что такое дети. Она требовала, чтобы одиннадцатилетний Вильям не выходил из сада, а в саду не бегал бы, не лазал бы по деревьям, не гонялся бы за кошкой, а чинно сидел бы в саду на скамейке и читал бы весь день книги о каком-то «паиньке» Питере. Этот Питер приводил Вильяма в бешенство.

Питер, нарисованный почти на каждой странице, всегда был безукоризненно одет: его рожица, руки, рубашка блистали ослепительной чистотой; белокурые локоны были тщательно расчесаны; ему никогда не приходило в голову вылезть из второго этажа через окно и взобраться на крышу по дереву; он якобы обожал ходить в церковь и внимательно слушать длиннейшие проповеди священника, от которых даже взрослые засыпали. Он никогда не ссорился и не дрался с товарищами, а когда в классе начиналась драка, он благоразумно убегал в укромное местечко и там прятался. Он строго выполнял приказание мамы «не знакомиться и не разговарить с бедно одетыми детьми».



Тетя Эллен с утра до ночи пичкала Вильяма книжками о Питере.

Одним словом, Питер был самым «примерным» мальчиком. Тете Эллен хотелось, чтобы и Вильям был вот таким же благоразумным ребенком, и она с утра до ночи пичкала Вильяма книгами о Питере. Не мудрено, что Вильям всем сердцем возненавидел эти скучнейшие книги да и самого Питера.

Тетя Эллен уверяла, что этот Питер не выдуман, что он действительно существует и все эти книги о Питере написала «его собственная мать». И вот Вильяму очень захотелось познакомиться с этим Питером, но не для того, чтобы насладиться его обществом, а для того, чтобы выдрать все его локоны цвета сливочного масла и стереть бессмысленную угодливую улыбку с его самодовольной рожи.

Однажды, изнемогая от скуки и одиночества, Вильям отправился гулять. Скоро ему надоело бродить одному взад и вперед по шоссе. Он пролез в дыру в заборе и очутился в чьем-то саду. Он прошел прямо по газону и подошел к дому.

Через открытое окно он увидел комнату, где за письменным столом сидел человек и писал. На столе была навалена куча книг: «Как ухаживать за грудными детьми», «Советы матерям» и тому подобное. Тут же лежало несколько рукописей, написанных на машинке, и несколько номеров журнала для матерей—«Ежемесячный сигнал».

И вдруг Вильям увидел книгу, нет, целую гору книг, с обложек которых смотрела все та же смазливая рожа в локонах все того же ненавистного Питера! Человек, сидевший за столом, читал письмо. Вдруг он поднял глаза и встретил любопытный взгляд Вильяма. Они посмотрели друг на друга, потом человек бросил письмо и кинулся вон из комнаты. Через минуту он вышел в сад.

— Ты здесь живешь по соседству? — спросил он Вильяма.

— Да, но я сюда приехал ненадолго.

— Слушай, дружок, не можешь ли ты мне помочь в одном деле? Пустяковое дело. А я, я дам тебе все, что захочешь: хочешь—шиллинг, хочешь—два, даже десять шиллингов дам. Да все, что захочешь!—прибавил он с каким-то отчаянием.—Если хочешь, можешь приходить в этот сад и играть, когда тебе будет угодно и сколько тебе будет угодно. Ты можешь разорять птичьи гнезда на деревьях. Я только что получил трехколесный велосипед для одного мальчика, так ты можешь себе его взять. Ты можешь делать все, что захочешь. За садом есть пруд...

— И все это я могу получить?—спросил Вильям.

— Да, да, если ты сделаешь то, что я тебе скажу.

— Так я за это вам сделаю все,—ответил Вильям.

— Пойдем в дом,—сказал человек нервно.—У нас немного времени осталось. Она может явиться каждую минуту... Когда она придет, я хочу, чтобы ты назывался Питером, а я буду твоей матерью. Вот и все дело. Понимаешь?

— Как! Мне... мне... быть Питером... этой размаз-

ней? — с негодованием сказал Вильям. А незнакомец растерянно заморгал глазами:

— Но ведь он прелестный мальчик! Уверяю тебя. Ведь это все утверждают... Я могу показать письма...

— Ну уж и прелестный! Это обезьяна из Зоологического, а не мальчик! Хорошо, я согласен, если вы дадите мне слово, что никогда и никому не скажете, что я изображал эту противную обезьяну.

Вильям этими словами, повидимому, задел самолюбие и гордость незнакомца.

— Я бы это за честь почел... У меня столько лестных отзывов! Но нам некогда спорить... Она может явиться каждую минуту. Я спрячусь куда-нибудь, а ты останешься один... Скажи ей, что ты Питер... Боюсь только, что ты непохож на него,—с грустью пробормотал незнакомец.—Волосы у тебя не вьются и цвета не такого, как у Питера, да ты и ростом больше него, и выражение лица совсем не такое... не такое чувствительное... не такое кроткое...

Вильям терпеть не мог, когда говорили о его физиономии.

— Хорошо,—сказал он холодно,—если я не подхожу вам, так чего же вы не подыщете себе кого-нибудь другого, с более глупой рожей?

— Нет, нет,—заговорил незнакомец в отчаянии.— Я ничего от тебя не требую, я хочу лишь, чтобы ты сказал ей, что ты Питер, что это твой дом и что твоя мама лежит в постели с сильнейшей головной болью, что она очень огорчена тем, что не может ее принять... Тогда она уйдет... А ты придешь ко мне и скажешь, что она ушла... Понимаешь?

У калитки показалась высокая угловатая дама. Незнакомец со стоном бросился в дом.

Мистер Монктон Грээм (так звали незнакомца) был литератором, т. е. он писал «Страничку матери» в «Ежемесячном сигнале» — журнале для матерей. Он подписывался: «Мать Питера». Его статьи всегда повествовали о Питере.

«Мать Питера» сообщала читателям, как она лечила Питера от кори, от коклюша, описывала его платья, его ангельский характер, как он учит уроки, как он проводит каникулы, как она внушает ему добрые чувства, какие чудесные дела делает Питер и т. п. Взрослые читательницы прямо-таки боготворили Питера. Матери писали письма, спрашивали «мать Питера» совета относительно своих детей.

Они посылали ей цветы. Кто-то даже прислал для Питера трехколесный велосипед. Мистер Монктон Грээм ответил благодарственным письмом, написанным круглым детским почерком. Матери требовали фотографию Питера. У м-ра Монктона Грээм нашлась старая карточка его племянника. Он ее «подправил» и отослал поклонницам Питера. Фотографию напечатали в журнале, и она произвела фурор.

Потом м-р Монктон Грээм написал книгу о Питере. Книга имела ошеломляющий успех. Он написал вторую. Он узнал, что значит слава, хотя это и была слава писателя, настоящего имени которого никто не знал.

Как-то после хорошего обеда, когда весь мир рисовался ему как бы подернутым розовой дымкой, он позабыл свою обычную осторожность. Он написал одной из своих обожательниц название деревни и номер дома, в котором он жил. В тот момент он совершенно не представлял себе значения своего поступка. Он понял это только на другой день, когда письмо было уже отправлено. Свершилась вещь ужасная: обожательница письмом известила его о том, что она приедет немедленно повидать «дорогую маму дорогого

Как тебя зовут, душечка?

Питера». Письмо пришло с полуденной почтой, и посетительницу можно было ждать с минуты на минуту.

Вильям стоял у парадной двери, пока высокая, угловатая дама не подошла к дому. Тогда они посмотрели друг на друга.

— Доброе утро, малыш,—сказала посетительница.

— Гм,—ответил Вильям.

Он имел твердое решение завладеть и велосипедом, и прудом, и гнездами, и садом, и десятью шиллингами, и он чувствовал, чем меньше слов он скажет сверх порученной ему роли, тем будет лучше.

— Как тебя зовут, душечка?

У дамы было болезненное добродушное лицо, седеющие волосы и приветливые близорукие глаза за очками. «Ее легко провести»,—подумал Вильям и бойко ответил: — Меня зовут Питером.

Лицо дамы вдруг вытянулось.

— Питером? Не может быть!—пробормотала она дрожащим голосом.

— Почему же? Если у меня локонов нет, так это их выдрала обезьяна в Зоологическом. Да, да! Я подошел слишком близко к клетке, а она просунула руку и вырвала мои волосы все до одного. Меня привезли домой, и скоро, на следующий же день, волосы снова выросли, но уже другого цвета.

— Какой ужас!—пробормотала посетительница, закрыв глаза.— Твоя мама, наверное, огорчилась, что волосы выросли другого цвета?

— Нет, — ответил Вильям холодно, — она любит этот цвет.

— Это так на нее похоже,—сказала женщина с нежностью.—А ты,—странно, но ты совсем не похож на мальчика, которого я ожидала видеть. Ты больше и крепче, а выражение лица... оно совершенно другое.

— Да,—сказал Вильям, стараясь выполнить свой договор как следует, — я здорово изменился с тех пор, как с меня снимали карточку. Я вырос немножко, а потом я перенес какую-то ужасную болезнь.

— Ах, — воскликнула лэди, полная сочувствия. — Твоя дорогая мама никогда не писала мне об этом в своих письмах.

— Да она и не знала,—заметил Вильям.—Я никогда ей об этом не говорил, чтобы ее не беспокоить. Я уходил гулять, как обычно, вот она и не узнавала. Но это меня так изменило.

— Ну, конечно,—сказала лэди с растерянным видом.—Что же, пойдем к твоей милой маме? Она ведь меня ожидает. Мое имя—мисс Рубина Стрэндж.

— О! — сказал Вильям, — она больна. Она велела мне вам передать, что она не может вас видеть. Она очень больна.

— Больна? Ах, как жаль! Но я бы очень хотела ее повидать. Может быть, я ей чем-нибудь могу помочь?

— Нет, вы не можете ей помочь,—сказал Вильям.— И никто ей не может помочь. Слишком поздно.

— Но... а доктор-то был?

— Да... он сказал, что ничего уже нельзя поделать.

— Боже мой! Но неужели же она...

— Вот именно! Она умирает, — сказал Вильям.

— Но неужели же ничего нельзя сделать? Это ужасно! У меня сердце разрывается. Я должна войти в дом. Я смогу наверняка ей помочь!

Вильям последовал за ней в дом. Мистер Монктон Грээм не рассчитывал на это. Он стоял у окна своего кабинета, ожидая ухода мисс Рубины Стрэндж. Когда он увидел, что она идет в комнату, он сделал то, что ему только и оставалось сделать: он спрятался

Мисс Рубина Стрэндж окинула кабинет взором богомольца, пришедшего в священное место.

— И здесь, милый Питер,—прошептала она благоговейно,—здесь она пишет эти чудесные вещи?

— Гмм,—ответил Вильям.

— О моя душечка! Представь себе только, что мне, моим недостойным глазам, суждено видеть все это! Я так часто себе рисовала все это!..

Тут она подняла свой тонкий, длинный нос и принюхалась.

— Питер, душечка, здесь пахнет этим... твоя мама ведь не курит папирос?

— Нет, — ответил Вильям рассеянно, — это его трубка.

— Чья?

— Его трубка, — повторил Вильям, которому все это дело начинало надоедать. Только мысль о трехколесном велосипеде еще заставляла его держать себя в руках.

— Ты совсем вне себя,—сказала мисс Рубина Стрэндж успокоительно.—Я думаю, что ты угнетен мыслью о здоровье твоей мамы, но я уверена, что ты преувеличиваешь опасность. Я знаю, она мне непременно написала бы, если бы была серьезно больна... Ах, эта ее ручка, которой она пишет? А это бумага. Питер, душечка, как ты думаешь, могу я взять один маленький листочек в память о моем посещении?

Тем временем мистеру Монктону Грээму начинало делаться не по себе. Под столом было очень тесно. Он неловко повернулся, и вздрогнувшая мисс Рубина Стрэндж посмотрела на Вильяма, приложив палец к губам.

Затем, схватив священное перо, она написала на священной бумаге: «Питер, под столом — мужчина, должно быть, вор. Не бойся, я с ним справлюсь. А главное—не беспокой свою маму».

И вот мисс Рубина Стрэндж осторожно, на цыпочках прошла через всю комнату, стащила с маленького столика длинную узкую скатерть, взяла кусок бичевки, которую нашла в ящике священного стола, вытянула огромный кинжал из какого-то шкапчика и схватила подушку с кресла.

— Не шуми и не вмешивайся! Помни, что мама больна!—шепнула она Вильяму.

Мистер Грээм, ничего не подозревая, сидел под столом, уткнувшись носом в колени, и вдруг почувствовал неожиданное и стремительное нападение сзади. Его выволокла из-под стола высокая, худая лэди, оказавшаяся необыкновенно сильной. Тотчас же она скрутила ему ноги скатертью и, наклонившись над ним, занесла кинжал и зашипела как гусыня:

—Но я не понимаю,—пролепетала мисс Стрэндж, совершенно сбитая с толку.

— Посмей только издать один звук! Выговори только одно словечко —и я заколю тебя! В доме лежит больная женщина, и я не остановлюсь ни перед чем, чтобы защитить ее. Ты явился сюда, чтобы ограбить великую женщину, моего драгоценнейшего друга, друга всех матерей, и, если это понадобится, я приму самые крайние меры.

Мистер Грээм с ужасом смотрел на кинжал; кинжал—он это знал—был очень острый. Он не издал ни звука, не произнес ни слова, пока она привязывала ему на лицо подушку и прикручивала веревкой руки по швам. После этого она повернулась к Вильяму. Вильяма все это так потрясло, что он стоял неподвижно как истукан.

— Ей надо рассказать,—прошептала мисс Рубина Стрэндж.—Я ей все расскажу. Не позволяй ему шевелиться, пока я не вернусь. Я спрошу у нее, не хочет ли она сдать его в полицию? Где ее спальня?

Вильям смотрел на нее, разинув рот.

— Ничего, — продолжала она, — я ее найду.

Когда она ушла, Вильям посмотрел на мистера Монктона Грээма. Единственно, что было видно,—это большая подушка. Подушка начала конвульсивно двигаться и произносить придушенные проклятия.

Как раз в тот момент, когда мистер Грээм нагнулся, пытаясь перегрызть оковы, спутывавшие его колени, мисс Стрэндж, растерянная и растрепанная, вернулась в комнату.

— Она ушла... Ее нет в доме, ее нет ни в одной комнате... Что же нам делать?

В припадке бешенства мистер Грээм как-то сдвинул подушку на сторону. Его лицо, показавшееся из-

за подушки, вряд ли можно было назвать человеческим. В ту же минуту в комнату вошла горничная.

— О, о!—закричала она.—Что с вами, мистер? Они его убивают! О, о, о!—и бросилась бежать.

— Мистер!—задыхаясь, произнесла мисс Стрэндж. Она повернулась к Вильяму.—Я не знала, что твой отец жив.—Затем она повернулась к мистеру Грээму, выплевывавшему пух, набившийся в рот от подушки.—Где ваша жена, злосчастный человек? Где ваша жена?

— Нет и не было у меня никакой жены!—закричал мистер Грээм в бешенстве.

— Но кто же писал про этого Питера?

— Я писал,—заорал он.

— Но мать Питера?

— Никакой матери Питера нет... И Питера-то никакого нет,—кричал мистер Грээм как в припадке безумия.—Есть только я, а вы, вы чуть было не задушили меня, вы чуть было не удавили меня, вы чуть было не зарезали меня, а теперь извольте убираться! Я не знаю, что это за мальчишка, который нагло выдает себя за Питера.

— Но я не понимаю,—пролепетала мисс Стрэндж, совершенно сбитая с толку.

Наконец, она поняла, но не удалилась, полная негодования, как рассчитывал Грээм. Вместо того она взглянула на него горящими глазами.

— Но это же с вашей стороны просто чудесно,—сказала она.—Само собой разумеется, я не выдам вашего секрета. Вы проявили столько симпатии к женскому сердцу, столько понимания! И это тем более чудесно, что ведь вы мужчина. И мы ведь были друзьями, не так ли? И старыми друзьями. Ну мы теперь поболтаем!—Она осмотрела комнату.—Позвольте мне сначала немножко прибрать. Комнате не хватает женской руки... Ну, а потом мы поговорим. Мне столько надо вас спросить, столько вам рассказать... Наша дружба будет великолепна...

Мистер Монктон Грээм умоляюще посмотрел на Вильяма.

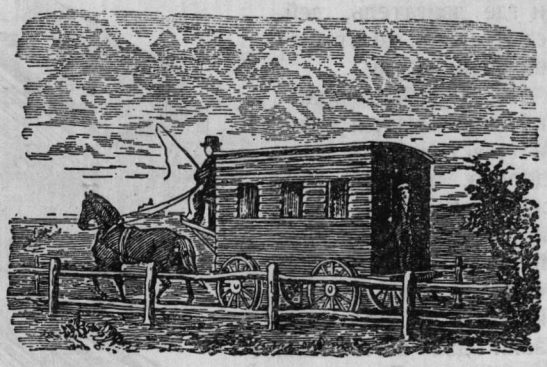
— Побудь, пожалуйста, еще немного...

— Спасибо, — ответил Вильям холодно. — Я лучше уж пойду. А вы не забудьте то, что мне обещали, не забудете?

— Э-э-э нет, — сказал мистер Грээм, впавший в полную безнадежность.

— Сад моей тетки не очень велик,—сказал Вильям,—а потому, я думаю, что большую часть времени буду проводить у вас. За велосипедом и за деньгами зайду после чая.

Мистер Грээм остался один со своей новой приятельницей. Лицо его выражало чувство человека, поверженного в пропасть безнадежности.



Первый пассажирский вагон с конной тягой на железных рельсах.

Дорога с деревянными рельсами у Ньюкестля.

ДЕРЕВЯННАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА

С. Б.

Знаете ли вы, что железная дорога раньше была из дерева? Деревянная железная дорога! И вообразить себе такое дело трудно! А еще раньше и вовсе никаких дорог не было, да и колес не существовало: не изобрели тогда еще колес. Грузы не возили, а волокли, положив их на шкуру, на жерди, потом на полозья. Санки с полозьями—это было уже большое достижение, крупное изобретение, мощная рационализация транспорта. И изобрели-то санки в странах, где снега никогда не бывает, где о нем и не знают: на санках волокли грузы по земле и по песку. Неторопливая была езда, но торопиться в те времена было некуда, торопливость даже считалась неприличием. Не даром бояре еще и при царе Иване Грозном в торжественных случаях и летом ездили в санях с длинным цугом лошадей впереди: так было важнее и солиднее. Колесную телегу они презирали и презрительно прозвали ее таратайкой: тарахтит, торопится. А куда торопиться? Несолидное это дело — торопиться.

Но колесо все-таки быстро завоевало свое место в жизни, а завоевав, потребовало для себя дорог. При бездорожье вся скорость, которую дает колесо, начисто пропадает: по камням да корягам галопом не поскачешь, а и поскачешь, так спицы поломаешь. Сиди да чини тогда телегу. Нет: тише едешь—дальше будешь. Заторопишься—на месте поломки простоишь долго. Можно, конечно, об'езжать все препятствия, но это займет тоже немало времени: вся польза от колес пропадает. Нужна дорога, без дороги—не езда. Да гладкая дорога, чтобы ее кроме того не размывали застаивающаяся дождевая вода да половодье. И начали строить дороги.

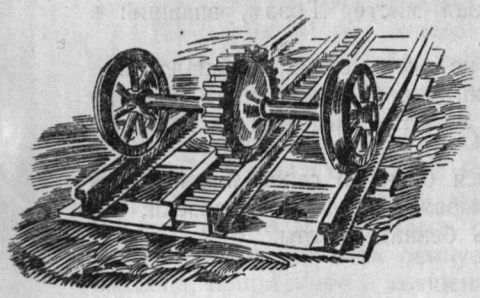
Тут вот что заметили: чем глаже дорога, тем колеса легче катятся. Нагрузить тогда телегу можно больше. Но очень гладкая дорога опять нехороша:

лошадь скользит, не за что ей зацепляться копытами,—на гладкой дороге лошадь спотыкается и падает.

Ну и додумались делать дорогу гладкой только для колес, а по середине, где лошадь идет, там ей лучше быть пошероховатее и помягче: лошади этак лучше идти, а колесам лучше по глади катиться.

Сказано—сделано. Попробовали под колеса на место колеи доски подложить, на любую дорогу, лишь бы под ноги лошади камни да коряги не попадались. И что же? Прекрасно вышло: телега куда скорее помчалась, и грузу больше повезла лошадь.

Но тут опять пошли препятствия. Раз'езжаются доски под колесами, с'езжает телега с них, вдружай-ка ее, нагруженную, назад! Сложное дело. Стали укладывать доски на специальные шпалы и прибивать их—перестали они раз'езжаться. А чтобы колеса не соскакивали, их стали делать шире да с желобками, как на рисунке изображена старая английская вагонетка для перевозки руды. Или, если колеса оставались узкими, на доски набивали рантики—это мешало колесам соскакивать на бок.



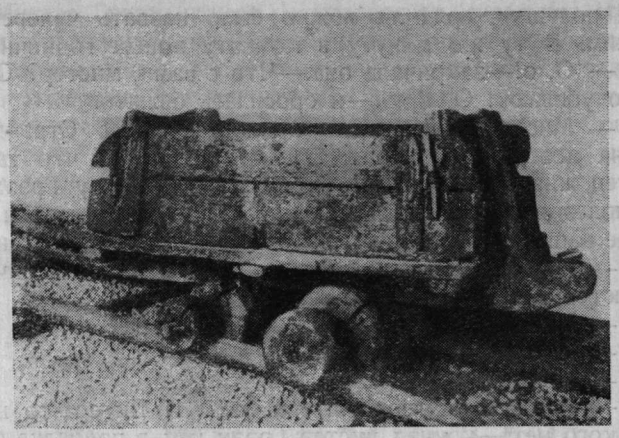
Гребенчатый железный рельс.

Все пошло хорошо с такой деревянной дорогой. Одно плохо—ремонту не оберешься: измочаливается, гниет дерево. Поддерживать такую дорогу—беда. Вот тут-то впервые и попробовали заменить дерево металлом. Из металла выбрали чугун: лить дешевле чем ковать. Вылили длинные чугунные уголки и корытца. Класть их прямо на грунт нельзя—утопятся под тяжестью повозок и раз'едутся в стороны. Уложили их на толстые деревянные лежни. И покатились по металлу легко и быстро груженые рудой вагонетки.

Но непрочны чугунные корыта, ломок чугун, обиваются края корыт, и дешевка выходит дорогой: часто заменять их приходилось, лить новые. Пришлось перейти на железные. А железо надо экономить—надо делать рельсы полегче, потоньше, корыта требуют слишком много металла. И, сделав железные, вернулись опять к желобкам на колесах, чтобы не соскакивала вагонетка с рельсов, а рельс мог быть тогда узким, тонким и меньше поглощать металла на изготовление.

Катились такие вагонетки по железным рельсам, с лошадью посреди колеи и с погоняльщиком—кучером, бегущим рядом. Это уж была настоящая железная дорога: дорога, верно, была из железа, а вагоны, и вагонетки часто оставались деревянными.

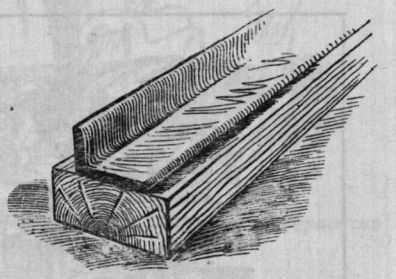
Когда изобрели паровоз, чего, казалось бы, проще: поставь его на эти, уже давно известные рельсы, и пусть бежит, вагоны за собой тащит. Однако так не сделали. Побоялись инженеры, что не пойдет паровоз по железным рельсам—скользить будет, на месте топтаться: колеса вертятся, а он ни с места, как и теперь бывает, когда колеса «буксуют» при под'емах пути. Вот этого и боялись и сочли, что известные уже к тому времени гладкие железные рельсы непригодны. Чтобы паровоз мог зацепляться, решили



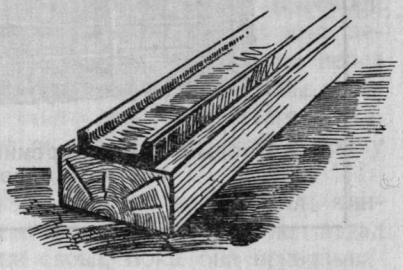
Вагонетка для перевозки руды на деревянных рельсах с желобчатыми колесами.

между гладкими рельсами, пригодными для колес, положить гребенчатый рельс, рельс с зубцами, а у паровоза сделать зубчатку: пусть он, вращая паром эту зубчатку, зацепляется за гребенку и таким образом потащит состав, не буксуя. Так рассуждали, вспоминая опыт лошади, инженеры о паровозе.

Правда, их ошибка не пропала даром: гребенчатый рельс, изображенный на рисунке, употребляется и сейчас для горных дорог, где под'ем очень крут и где двигатель, действительно, не втащит вагон на кручу.

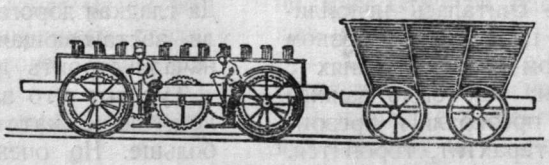


Но это была ошибка: гребенчатый рельс и шестеренка стоят дорого, медленно движется паровоз с ней, а, главное, на гладком пути нет в этом приспособлении никакой надобности. Это доказали два английских инженера—Блеккет и Хедлей. Они построили странную тележку. (Рисунок внизу). Два человека, двигая рычагами, приводят в движение гладкие колеса на гладких рельсах. Тележку, нагруженную (с прицепкой) железом до веса паровоза, могли сдвинуть с места всего два человека, и тележка шла по рельсам, не буксуя, спокойно и ровно.



Чугунные рельсы — уголки и корытца.

С тех пор—это было в 1812 г.—отменили и гребенчатый рельс и шестеренку, и пошли паровозы и вагоны по гладким рельсам, как и ходят они до сих пор, и все вы видели, как скоро движутся поезда. А если колеса иной раз и «забуксуют», завертятся на месте, не сдвигая состава, у паровоза имеются песочницы. Раскроет их машинист, посыплется песок на рельсы, под колеса, захрустит под ними, и сдвинутся колеса, а там уже пойдут сами вертеться по дороге—рельсам.



Тележка Хедлея и Блеккета.

ПОЧТА доктора Звенового

В „Артеке“ каждый месяц отдыхают пятьсот ребят со всех концов Советского союза. Это все ударники учебы, дозорные урожая, отличившиеся техники, изобретатели, передовики пионерской работы. У каждого из них своя история. Я попросил некоторых ребят написать мне о том, как они попали в „Артек“. Передаю в журнал несколько писем из тех, которые я получил.

Доктор ЗВЕНОВОЙ

Четыреста пятьдесят сусликов

Письмо Дины Федоровой

Донецкая обл., с. Стаоо-Белево

Суслик—это такой серый зверок. Он очень вредный. Он живет в поле и поедает и зелень и колосья. Каждый суслик с'едает в лето 4 килограмма ржи.

Первый раз я вышла за сусликами в апреле. Взяла крючок, ведро и пошла. Тогда в поле еще снег был и холодно было. Крючок у меня был длиной в ½ метра, железный. Я положила крючок, принесла ведро воды и стала искать дырку в земле. Так всегда нужно делать, когда сусликов ловишь.

Нашла дырку и стала ее водой заливать. Как залила водой, так суслик из дырки и показался. Весь мокрый, голову высунул. Я его за мордочку схватила крючком, вытащила и об землю.

Так я 10 штук убила, связала веревкой и сдала в Союзпушнину.

Я ловила сусликов еще и капканом. У меня есть железный капкан, хороший. Положила на дырку, приколотив к земле. Суслик выглянет—его и схватит. Этот капкан мне брат подарил. Он его где-то нашел.

Я часто ходила за сусликами. Иногда с утра, иногда после уроков. За лето я их 450 штук поймала.

Были у нас и массовые выходы за сусликами. Наш класс поймал 1200 сусликов, а норма была 600. Это значит, что наш класс 6 тысяч килограммов хлеба сберег — это 6 тонн.

„Пивоня“ и „Красавка“

Письмо Оли Барисенок

БССР. Борисовск. р-н, хут. Левашево, колхоз „Зеленый сад“

У меня в звене 7 пионеров. Все ребята, только одна девочка. Все ребята взяли шефство над телятами. Только телят было больше чем ребят. В колхозе был 21 теленок. Мы с одной девочкой взяли шефство над 2 телятами.

Одной телочке я дала имя «Пивоня». Это я из одной пьесы взяла, а другую мы просто назвали «Красавка». Они были не очень плохие, но и не очень сытенькие.

Одна была сивая, а другая—белая с рыжими пятнами.

Мы ходим в школу во вторую смену. Утром, рано, идешь к телятам, а потом уроки готовить. А вечером, после школы,—

опять к ним. Я для них в колхозе специально овес выпрашивала. Мы им картошку с овсом давали и чистили их. Они меня хорошо знали. Как я подойду—руки лижут.

Сейчас я в «Артеке», а они пасутся. Не знаю, забыли они меня или нет. Может быть, забыли.

Письмо Володи Сеянова

Пионерский дозор

У нас в школе Мария Николаевна, учительница, учила, что нужно беречь колхозное имущество. Тогда мы организовали дозор. Я, Селихов Николай и еще один Николай. Правда, тот только один раз ходил.

Как-то приходим на конюшню, там доски у стены стояли, заглянули за доски, а там 3 пуда муки.

— Давай ее сюда,—говорит Николай.

Мы взяли эту муку, рассыпали на 2 мешка, а то тяжело, и понесли председателю колхоза. Составили акт, конюху попало.

Но порядков в нашем колхозе все-таки не было. В конюшне лошадь ожеребилась, а жеребенок околел: станок у лошади был маленький, лежать неудобно, она и придавила жеребенка.

И все потому, что конюхи проспали. А председатель пьянствовал, и завхоз пьянствовал, и мельник пьянствовал. Тогда я сказал на собрании:

— Наш колхоз не будет зажиточным, пока такое пьянство будет. Председателю говоришь, говоришь, а он все забывает. И в конюшне грязь, и на молочной ферме грязь, и картошка сопрела.

Тогда мы решили написать в МТС заявление, а МТС — за 12 километров. Я стал звать ребят — они не идут: матери не пустили. Тогда я один пошел. Дорога была плохая. Шел, шел, наконец, дошел. Я как пришел в МТС: «Здрасте!» — «Здрасте»; меня выслушали и послали поесть. Потом посадили в машину и поехали мы вместе в деревню.

Проверили все, что мы написали, оказалось верно. И картошка в яме сгнила, как мы писали. Прокурор сам в яму лазил.

Теперь у нас другой председатель колхоза и порядки другие.

Письмо Мани Михейкиной

Моск. обл., Каширск. р-н, Каорстовск. детдом

Моя жизнь

Нас всего 6 ребят: три брата и три сестры. А отец у нас очень плохой: он совсем о нас не заботился. Заработает деньги, купит мяса, масла. Сам есть, а нам ничего не дает. Даже соседей не стесняется: сидит и ест мясо или курятину, а мы голодные.

Его соседи тоже не любили. Он кур на удочку ловил: наденет на крючок хлеб, закинет удочку на чужой двор — курица склюет хлеб вместе с крючком, он ее и тащит.

Он все умел делать: и печи класть, и корзинки плесть, и метелки вязать, и грабли делать, а работать не хотел и нам учиться не позволял. Я четыре группы кончила, а дальше учиться он не позволил. Говорит: «Сиди дома. Я неученый—и вам не надо».

Мать жалела меня, а сама отца боялась: слово ему скажешь против—разорвет на две половины.

Отец меня больше всех ненавидел с самого рожденья. Это мне бабушка рассказывала. Я орала, когда маленькая была. Вот отец раз среди ночи зимой взял меня и выбросил в сени.

В 1934 году я в пионеры поступила. И везде все с ребятами делала. Отец мой в колхоз никак не входил, а я с другими пионерами колоски собирала. Раз мы за два дня десять пудов зерна собрали!

Вот приехал раз из Москвы один человек, пошел в поле, а я как раз на вышке тогда стояла: урожай охраняла. Он меня спросил, как дела в колхозе. А я говорю: «Не знаю, я не колхозница». Этот человек из газеты «Колхозные ребята» приехал. Я им написала.

Как пришла газета, я отцу показала. Он прочел... Что тут было!.. А я про все написала: и как он кур воровал и как председателя бил.

Уж мне потом совсем нельзя было у отца жить. Я в Каширу ушла, в няньки. Тоже плохо было жить. Я решила тогда письмо написать в газету, что хочу учиться, и матери написала, чтобы пришла за мной.

Мать пришла, видит, какая я худая: «Ладно,—говорит,—пойдем домой». Пошли. Через несколько дней автомобиль в деревню приехал, меня взяли в детский дом. Я там теперь учусь. А без меня отца судили за все: и за то, как он воровал и как с детьми обращался.

Поучилась я в детском доме, потом меня в «Артек» послали. Тут очень хорошо поправилась, а осенью опять буду учиться.

Письмо Шуры Ревницкого

Гор. Горький, Трудовая ул., дом 12, кв. 6

Еж и змея

Весной прошлого года я ездил в деревню. Там я быстро подружился с ребятами. Однажды мы все пошли в лес. Долго шли мы по лесу, наконец, вышли на болото и увидели, что змея поймала лягушку и стала ее заглатывать. Мы испугались змеи и влезли на деревья. Вдруг мы услыхали шорох и увидели, что к змее бежит еж. Когда змея увидела ежа, она хотела освободиться от лягушки и убежать, но еж бросился на нее и перекусил ее пополам. Одну половину он с'ел, а другую понес.

Мы слезли с деревьев и пошли за ним. Еж юркнул в нору. Мы заметили место и пошли домой. Дома взяли лопаты и корзинку. Потом пошли на это место и стали рыть. Разрыли всю нору и нашли гнездо. Взяли ежат в корзину и понесли домой. Дома посадили их в клетку. Когда они выросли, мы отпустили их обратно на свободу.

Письмо Майора Фридмана

Москва 28-я школа Октябрьского р-на

Футбольный матч

Наших футболистов можно узнать сразу, стоит только посмотреть на их ботинки.

У Гурова отваливается подошва, у Панова носки у ботинок совсем белые, и у других футболистов ботинки не лучше.

Футбольного поля у нас не было. Тогда мы взяли лопаты и топорики и пошли на полянку за лагерем. Отмерили расстояние и стали вырубать дерн — это были границы поля. Но поле очень неровное — все в ямах и кочках. Сначала ребята спотыкались и падали, а потом как-то привыкли.

Однажды к нам пришли ребята из лагерей «Известий», и мы сыграли с ними партию. Все ребята из нашего лагеря прибежали к полю и расселись вокруг. Началась игра. Те ребята высокие, длинные, а наши очень маленькие. Они сразу повели мяч к воротам нашей команды. Но ребята держались крепко. Через 10 минут после начала нашим все-таки забили первый гол. Случилось это так: наш бек Сева Конюшко хотел взять мяч, но его отвели и передали мяч своим с полутора метров. Один мальчик с силой забил мяч в наши ворота. Наш голкипер Попов подпрыгнул, но мяча не достал и упал на живот.

После этого наши ребята начали наступать. Гуров несколько раз промазал. Зрители волновались, но вожатые успокаивали их: ребята играли дружно. Наша команда выиграла со счетом 5 : 2.

У нас вообще все ребята очень любят физкультуру, хотя погода почти весь июль была плохая. Мы сдали большинство норм на БГТО.

Мы устроили спартакиаду в 3 отрядах. Она началась большой эстафетой. Ребята бежали в противогазах и передавали друг другу флажки. Первый отряд всех обгонял. Но вот побежал Зверев, споткнулся обо что-то и упал. Если бы он тут же встал, он бы еще мог догнать других ребят, но он так расстроился, что лежит и не встает. Ребята взяли у него флажок из рук и побежали вперед. Надо было спрыгнуть в овраг, быстро вылезть и бежать до реки. Леня Рылеев, Боря Попов и Романов прыгнули почти одновременно в овраг. Цепляясь за траву и кусты, они быстро вылезли и побежали к реке. Река у нас очень узкая, через нее мы положили бревно, по которому должны были пройти ребята. Чтобы лучше сохранять равновесие, они взяли в руки зеленые ветки. Никто из ребят не свалился, хотя один мальчик очень сильно качался. Выиграл эстафету второй отряд.

Потом были бег и прыжки. Октябренок Кира Станкевич прыгнула в высоту 1 м 14 см.

Очень хорошо у нас прошел перед закрытием лагеря кросс.

Шахматный отдел

Под ред. С. М. Шпрехера

В журнале № 8 мы дали два этюда — Р. Рети и Эм. Ласкера.

Вот решение этюда Эм. Ласкера:

Белые: Крb6, пешка c6 (2)
Черные: Крh8, Лd5 (2)

Белые выигрывают.

Черные имеют ладью против пешки белых, и для того чтобы сделать ничью, им нужно обменять ладью на пешку.

Но сделать это несмотря на кажущуюся простоту невозможно.

1. c6—c7 Лd5—d6+

Куда теперь белым пойти королем? Если они пойдут Крb6—b7, то черные ответят Лd6—d7, свяжут белую пешку и потом разменяют на нее ладью.

Если белые пойдут Крb6—c5, то черные ответят Лd6—d1, и после этого белые не могут помешать черным пойти ладьей на c1 и разменять ее на пешку.

Также не могут белые пойти королем на линию a, так как черные сразу же пойдут ладьей на c6 и добьются ничьей.

Следовательно, у белых один план игры:

2. Крb6—b5 Лd6—d5+

3. Крb5—b4.

Король пока еще не может стать на линию c, так как черные пойдут на d1, а затем на c1.

4. . . . . Лd5—d4+

5. Крb4—b3 Лd4—d3+

6. Крb3—c2.

Наконец король перешел на линию c и в то же время защитил поля d1 и c1. Казалось бы, что черные уже проиграли, однако это еще не конец решения.

6. . . . . Лd3—d4

И теперь, если белые делают ферзя, то черные ходят Лd4—c4+, и если белые бьют ладью, то черным — пат, если же белые нападут на ладью королем Крc2—c3, то черные отвечают Лd1 с угрозой Лc1. Как же все-таки белым выиграть?

7. c7—c8Л.

Теперь и у белых и у черных по ладье, но черные проигрывают потому, что их король в матовом положении. Белые грозят дать мат ладье на a1, у черных есть только одна защита:

7. . . . . Лd4—h4.

Но тогда белые отвечают:

8. Крc2 — b3 и выигрывают ладью или дают мат на c1.

Этот классический этюд должен быть образцом для всех начинающих составителей этюдов и задач.

В чем его достоинство?

Во-первых, экономия в шахматном материале. Все фигуры необходимы и принимают участие в разрешении задачи, и их положение ни в коем случае не может быть изменено.

Во-вторых, к разрешению ведет только один первый ход, чрезвычайно труднонаходимый, и кроме того все варианты точно рассчитаны, и все ходы и белых и черных единственные.

Полное, правильное решение этюдов, помещенных в № 8 журн. «Пионер», прислал нам С. Вишневский, 14 лет (Москва). Правильное решение этюда Р. Рети прислал Лев Сосновкин (ст. Шарья, Северной ж. д.).

Ноты—почтой

Пионеры и школьники любят петь песни. Поют они и в больших городах и в самых отдаленных районах Советского союза. Им хочется петь все новые и новые песни. А где достать эти новые песни? А вот где:

На складе музсектора КОГИЗ имеется большой выбор детской и школьно-пионерской литературы:

ПЕСНИ ШКОЛЫ И ОТРЯДА. *Выпуск 2-й. 49 школьно-пионерских песен для одноголосного, двухголосного и трехголосного хора с ф-п. Тексты—русский и украинский. Рассчитан на школы 2-й ступени. Ц. 3 руб.*

ПЕСНИ ШКОЛЬНИКА И ПИОНЕРА. *Для одноголосного и двухголосного хора с ф-п. Премированы Наркомпросом РСФСР и ЦК комсомола. Ц. 50 коп.*

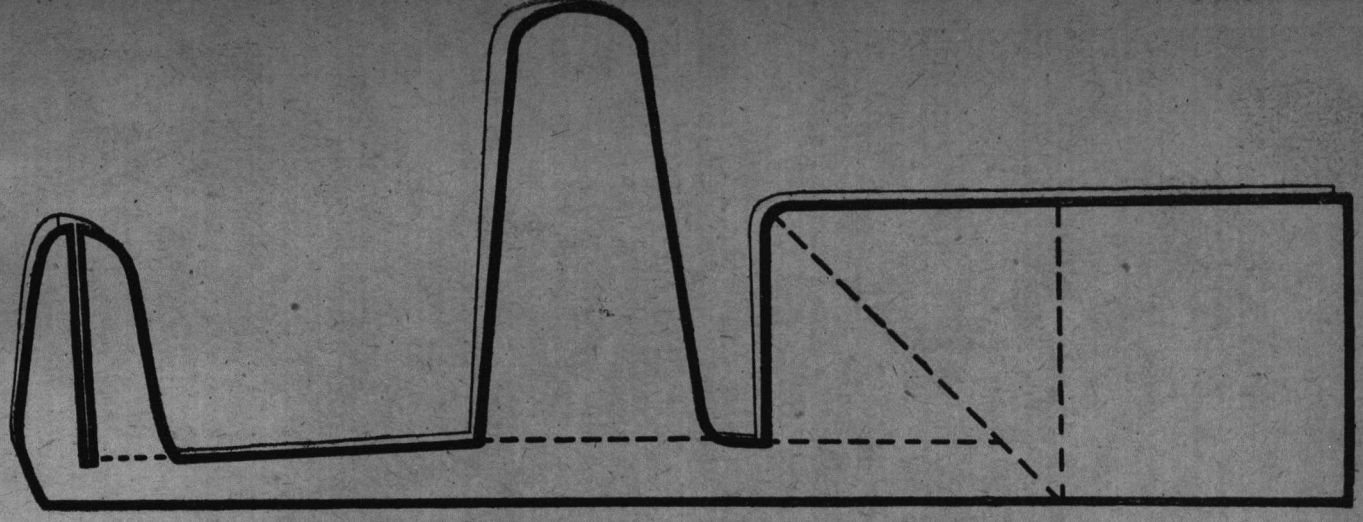
СБОРНИК 12 ПЕСЕН С РИТМИЧЕСКИМ ОФОРМЛЕНИЕМ. *Рассчитан на школы 1 и 2 ступени. Степень трудности каждой песни указана в оглавлении. Ц. 1 р. 75 к.*

Все это для пионеров и школьников. А для младших братишек и сестренок есть что-нибудь? Есть и для них:

МЕТЛОВ Н. Дошкольная площадка. *Сборник песен и игр для дошкольников с методическими указаниями для педагогов. Содержание: детская организация, оборона, труд, новый быт, природа, транспорт, интернациональное воспитание, игровые, шуточные и плясовые песни и мелодии. Ц. 2 р. 25 к.*

Заказы направляйте по адресам «Ноты — почтой»:

Владивосток, Ленинская, 43.
Воронеж, пр. Революции, 52, Нотный магазин КОГИЗ № 9.
Горький, Свердловская, 9.
Грозный, пр. Революции, 11.
Иваново, ул. Красной армии, 24.
Казань, ул. Баумана, 74.
Киев, ул. Свердлова, 16.
Краснодар, Красная, 23.
Куйбышев, Ленинградская, 53.
Ленинград, 11, пр. 25 Октября, 50.
Минск, Ленинская, 15.
Москва, Центр, Неглинная, 14.
Москва, Центр, ул. Горького, 28, магазин № 1 МОГИЗ.
Новочеркасск, Московская ул., Книгоцентр.
Одесса, ул. Лассаля, 27.
Пятигорск, Советский проспект, 36.
Ростов на Дону, ул. Энгельс, 102.
Рыбинск, пр. Ленина, 26. ОГИЗ, Нотный отдел.
Саратов, пр. Революции, 9, Книгоцентр.
Свердловск, ул. Малышева, 37/1.
Таганрог, ул. Ленина, 56.
Харьков, ул. 1 Мая, 5.
Ярославль, Комсомольская, 5.



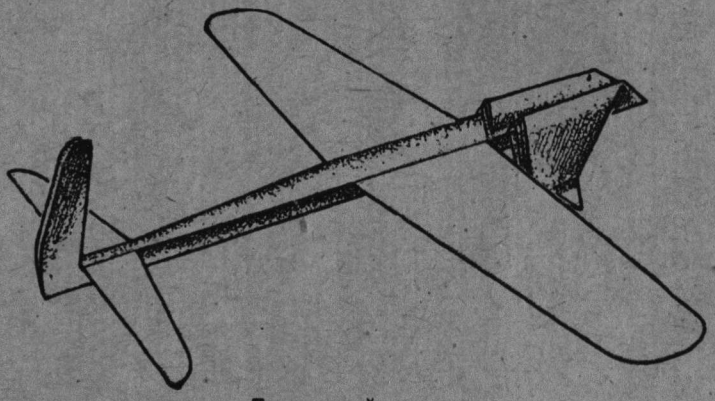
Девяносто семь метров

П. Л. АНОХИН

Что это за линия напечатана вверху, на этой странице? А вот что: возьми лист плотной бумаги, например из альбома для рисования, сложи пополам и через копирку переведи линию на лист так, чтобы нижний край рисунка совпал с линией сгиба; потом точно по этой линии вырежь ножницами.

Что получилось?

Опять что-то странное: вроде самолета, только перед носом у него какой-то прямоугольник. Разверни этот прямоугольник и согни его пополам (см. рис. внизу), передние углы загни еще раз к середине, отогни вниз, а кончики разогни в стороны, как показано на рисунке; разрежь хвост по белой черточке, отогни крылья и переднюю часть хвоста. Только отгибай акуратно, точно по пунктирам.



Бумажный планер.

Вот теперь получился маленький самолетик. Возьми его поближе к хвосту и брось вперед. Самолетик полетит, как настоящий планер. Он может делать любые повороты, виражи, брать горки, пикировать (лететь носом вниз) и даже делать мертвые петли.

У него как у настоящего есть плоскость (крыло), стабилизатор, или руль высоты (передняя часть хвоста), и руль поворотов, или киль (задняя часть хвоста).

Но самое главное в нашем планере то, что в полете он подчиняется тем же законам физики, что и настоящий планер.

Почему летают планеры?

Сейчас это хорошо изучено, есть наука о полете—аэродинамика. Эта наука говорит, что на летающий аппарат действуют разные силы.

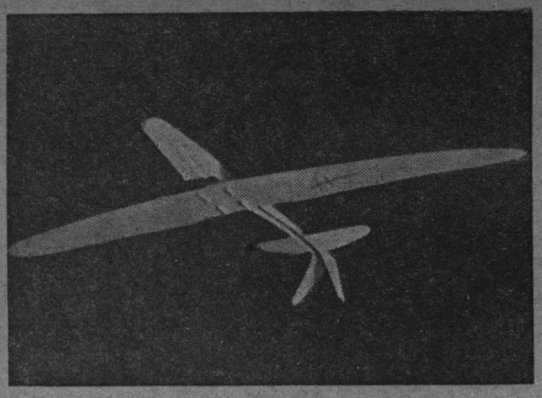
Одна из этих сил, притяжение земли, тянет наш планер вниз, и чем тяжелее планер, тем больше эта сила. Однако планер не падает вниз, так как на него действует еще другая сила, которая поддерживает планер снизу,—это под'емная сила. Она образуется сопротивлением воздуха при движении планера вперед. Крылья планера установлены всегда с легким наклоном, и встречный воздух, когда ударяется в наклонную плоскость, подпирает ее кверху. Чем больше скорость у планера и чем больше площадь крыла, тем больше будет его под'емная сила. На маленькой скорости самолет будет проваливаться: притяжение перетянет; если прибавить скорость, силы сравняются—самолет полетит по прямой. Еще прибавить скорость—самолет полезет кверху. Поэтому наш самолет и летает так: сначала, пока скорость большая, летит кверху, потом прямо, а потом вниз.

Под'емная сила действует на всю поверхность крыла, но аэродинамика учит нас, что центр этой под'емной силы приходится как раз на линии, проходящей через первую треть ширины крыла. Аэродинамика же на основе многих опытов, вычислений и наблюдений учит, что самолет или планер лучше летит тогда, когда центр тяжести аппарата и центр под'емной его силы совпадают. Поэтому при конструировании и нашей простейшей модели из бумаги и при изготовлении всякой другой, бумажной или деревянной, модели самолета, мы будем тогда достигать лучших результатов, когда правильно уравновесим наш самолетик. Размер прямоугольного отрезка бумаги, помещенного нами перед крылом, так и подобран, что, сложив его, мы получаем в носовой части модели груз, который уравновешивает всю нашу модель.

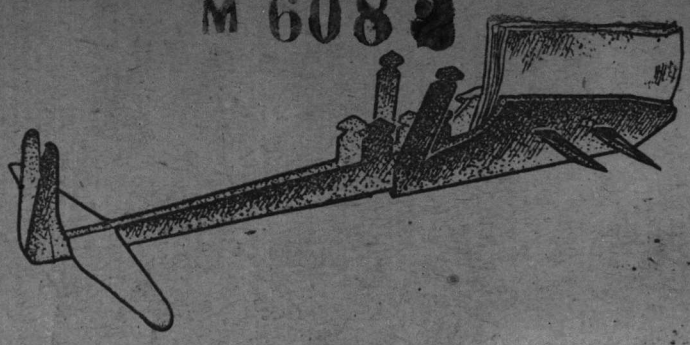
Так надо складывать нос планера.

Цена 30 коп.

М 6082



Бумажный планер.



В носовую часть планера надо вставить восемь кусочков бумаги.

Как будто задача разрешена: силы уравновешены, и все в порядке. Нет, еще не все. Нужно еще устроить так, чтобы несущая плоскость во время полета не переворачивалась. Попробуй вырежь и брось одно крыло, без хвоста и без носа,— оно сразу завертится, будет кувыркаться как падающий лист.

Чтобы выровнять полет, и у самолета и у нашей модели сделаны рули. Стабилизатор не дает модели зарываться вниз и забирать круто кверху. На него тоже действует встречный воздух, и если загнуть задний край стабилизатора, например книзу, — воздух сильнее надавит на хвост тоже снизу, хвост поднимется, направит книзу крыло — и самолет опустится носом вниз. А если загнуть стабилизатор кверху, самолет сделает «горку». Попробуй проверить это.

Руль поворотов поворачивает самолет направо и налево. Подогни край руля вправо—воздух надавит с этой стороны, занесет хвост, и самолет повернется вправо.

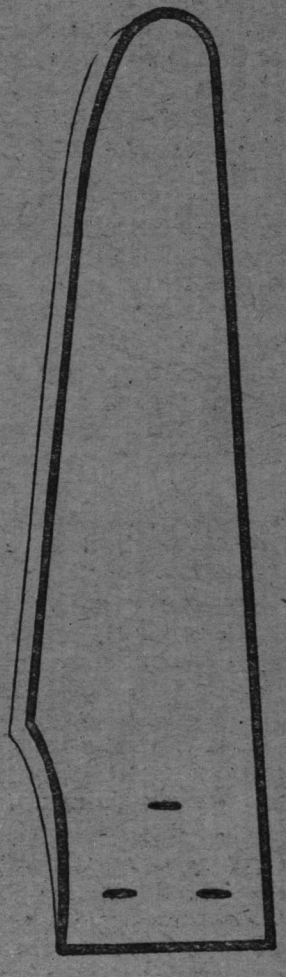
Можно из такой же бумаги сделать планер, похожий на настоящий планер «Г-9» системы Грибовского.

Он делается из трех частей. Выкройки здесь нарисованы и на рисунках показано, как нужно их собирать. Фюзеляж вырезается из сложенной вдвое бумаги, подкосы — тоже из сложенной бумаги. Эти подкосы служат для добавочного крепления крыльев. Крылья вырезаются из не сложенного, прямого листа бумаги. Очень важно, чтобы крыло получилось симметричным, т. е. чтобы обе его половины были совершенно одинаковые. Можно бы сделать так: вырезать крыло из сложенной бумаги, а потом развернуть, но такое крыло не годится: на сгибе оно будет прогибаться. Поэтому лучше положить сложенное крыло на прямой лист, обрисовать и по рисунку акуратно вырезать. Нужно еще заготовить два клинушка, тоже из бумаги. А теперь можно собирать.

Подкосы подставляем снизу к фюзеляжу так, чтобы стойки подкосов пришлись между стойками фюзеляжа. В носовую часть планера надо вставить восемь кусочков бумаги из остатков от выкроек. Понятно, для чего они кладутся: для веса. Теперь острым концом ножниц просверливаем две дырочки в носовой части, в эти дырочки вставляем клинушки доотказа, загибаем с обеих сторон книзу и отрезаем концы. Потом по форме носовой части обрезаем лишние края вставленной в нос бумаги.

Теперь отогнем хвост—и фюзеляж готов. Осталось укрепить крыло. Для этого сперва нужно сделать четыре маленьких прореза в крыле для стоек, потом в соответствующий прорез надо вставить правую переднюю стойку, потом правую заднюю, а потом передние и задние с левой стороны. Надев крыло на четыре средних стойки, можно наметить место прорезов для подкосов. Нужно наметить так, чтобы подкосы не притянули концы крыльев книзу. Весь планер получится такой, как изображен на фотографии. Надо только сделать все очень акуратно. Теперь можно запустить планер Бросать надо сильно вперед длинным броском. Хорошо сделанный планер может пролететь десятки метров. Рекорд для бумажной модели—97 метров.

Выкройка фюзеляжа.



Крылья.

Отв. редактор Б. ИВАНТЕР Худ. редактор М. АСКИНАЗИ Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) «Правда» Заказ № 1770.

Сдано в набор 26/VII—35 г., подписано к печати 25/VIII—35 г. Изд. № 759 Формат 62 × 94 см. 1½ б. л. 135 000 п. зн. в бум. л.

Уполномоченный Главлита № Б—8969 Типография газеты «Правда» им. Сталина, Москва, ул. «Правды», 8. Тираж 60 000

Акт № 143